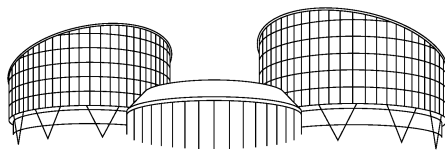

Данное постановление было первоначально опубликовано на английском языке Европейским судом по правам человека в его базе данных HUDOC (<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-144151>). Данный документ представляет собой неофициальный перевод, автоматически созданный OnlineDocTranslator (<https://www.onlinedoctranslator.com/en/>), и может не отражать оригинальный материал или точку зрения источника. Данный неофициальный перевод загружен Европейским центром защиты прав человека (https://ehrac.org.uk/en_gb/) исключительно в информационных целях.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО КИПР ПРОТИВ ТУРЦИИ

(Заявка № 25781/94)

СУЖДЕНИЕ
(Просто удовлетворение)

СТРАСБУРГ

12 мая 2014 г.

В деле Кипр против Турции

The Европейский суд по правам человека, заседая Большой палатой в составе:

Хосеп Касадеваль, *президент*,
Франсуаза Тюлькенс,
Гвидо Раймонди,
Нина Вайич,
Отметка Виллигер,
Корнелиу Бирсан,
Боштьян М. Зупанчич,
Альвина Гюлумян,
Давид Тор Бьоргвинссон,
Джордж Николау,
Андраш Саджо,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Леди Бьянку,
Энн Пауэр-Форд,
Ишил Каракаш,
Небойша Вучинич,
Пауло Пинту де Альбукерке, *судьи*,

и Майкл О'Бойл, заместитель Секретаря,

Совещаясь за закрытыми дверями 14 марта 2012 г., 10 апреля 2013 г., 27 июня 2013 г. и 12 марта 2014 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в последнюю указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд в соответствии с положениями, применимыми до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») Правительством Республики Кипра («правительство-заявитель») 30 августа 1999 г. и Европейской комиссией по правам человека 11 сентября 1999 г. (пункт 4 статьи 5 Протокола № 11 и бывшие статьи 47 и 48 Конвенции).

2. В ходе разбирательства по существу дела 27 октября 1999 г. Председатель Суда встретился с представителем правительства-заявителя и представителем правительства Турецкой Республики («государство-ответчик») с целью обсуждения некоторых предварительных процессуальных вопросов по делу. Агенты согласились с тем, что, если Суд установит нарушение, потребуется

отдельная процедура для рассмотрения претензий по статье 41 Конвенции.

3. Письмом от 29 ноября 1999 г. Суд проинструктировал обе стороны о следующем:

«Власти-заявители не обязаны предъявлять какие-либо требования о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции на данном этапе разбирательства. Дальнейшее производство по этому вопросу будет организовано в зависимости от выводов Суда по существу жалоб».

4. В постановлении от 10 мая 2001 г. (Кипр против Турции [БП], № 25781/94, ЕСПЧ 2001IV – «основное решение») Суд (Большая палата) установил многочисленные нарушения Турцией Конвенции, вытекающие из турецкие военные операции на севере Кипра в июле и августе 1974 г., продолжающийся раздел территории Кипра и деятельность «Турецкой республики Северного Кипра» («ТРСК»). Что касается справедливой компенсации, Суд единогласно постановил, что вопрос о возможном применении статьи 41 Конвенции не готов к решению, и отложил его рассмотрение.

5. Дело об исполнении основного судебного решения в настоящее время находится на рассмотрении Комитета министров Совета Европы.

6. 31 августа 2007 г. государство-заявитель уведомило Суд о своем намерении подать «ходатайство в Большую Палату о возобновлении рассмотрения возможного применения статьи 41 Конвенции». 11 марта 2010 г. государство-заявитель направило в Суд свои требования о справедливой компенсации в отношении пропавших без вести лиц, в отношении которых Суд установил нарушение статей 2, 3 и 5 Конвенции (см. Часть II, пункты 2, 4 и 7). резолютивных положений основного судебного решения и соответствующих пунктов, к которым они относятся). Они заявили, что вопрос о справедливом удовлетворении в отношении остальных нарушений, в частности тех, которые касаются домов и имущества киприотов-греков, остается зарезервированным и что они, возможно, вернуться к этому вопросу позже.

7. 7 апреля 2011 года Председатель Суда путем жеребьевки определил состав Большой Палаты для принятия решения о применении статьи 41 Конвенции (пункт 2 Правил 24 и 75 Регламента Суда). Впоследствии Председатель Суда провел жеребьевку для завершения композиции (Правило 24 § 2 (e)).

8. 25 ноября 2011 г. государство-заявитель направило в Суд ходатайство, озаглавленное «Ходатайство о справедливой компенсации (статья 41) от имени Республики Кипр», касающееся процедуры исполнения основного постановления Комитета министров Совета Европы. и просьба к Суду предпринять определенные шаги для облегчения исполнения основного судебного решения.

9. Письмом от 21 марта 2012 г., после обсуждения 14 марта 2012 г., Суд предложил правительству-заявителю ответить на некоторые дополнительные вопросы и представить окончательный вариант своих требований о справедливой компенсации. В ответ 18 июня 2012 г. государство-заявитель изменило свои первоначальные требования по статье 41 Конвенции в отношении пропавших без вести и выдвинуло новые требования о справедливой компенсации в отношении нарушений прав человека (точнее, статей 3, 8, 9, 10 и 13 Конвенции и статье 2 Протокола № 1) проживающих в анклав киприотов-греков на полуострове Карпас (см. часть IV, пункты 4, 6, 11, 12, 15 и 19 оперативных положений основного судебного решения и соответствующие пункты, к которым они относятся).

ЗАКОН

10. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшая сторона».

11. Соответствующие части статьи 46 Конвенции гласят следующее:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать окончательное решение Суда по любому делу, сторонами которого они являются.

2. Окончательное решение Суда передается в Комитет министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

12. Правило 60 Регламента Суда гласит:

«1. Заявитель, желающий получить справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции в случае, если Суд установит нарушение его или ее прав, предусмотренных Конвенцией, должен подать конкретный иск на этот счет.

2. Заявитель должен представить подробные сведения обо всех требованиях вместе с любыми соответствующими подтверждающими документами в течение срока, установленного для представления замечаний заявителя по существу, если Председатель Палаты не распорядится иначе.

3. Если заявитель не соответствует требованиям, изложенным в предыдущих пунктах, Палата может отклонить иски полностью или частично.

4. Претензии заявителя передаются Договаривающейся стороне-ответчику для комментариев».

I. ТРЕБОВАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА-ЗАЯВИТЕЛЯ О СПРАВЕДЛИВОЙ САТИФАКЦИИ

A. Приемлемость

1. Являются ли требования государства-заявителя о справедливой компенсации несвоевременными.

(a) Доводы сторон

(i) Правительство Кипра

13. Власти Кипра признали, что их требования о справедливой компенсации были поданы только 11 марта 2010 г., то есть почти через девять лет после вынесения основного судебного решения. Однако они посчитали, что их бездействие в период с 2001 по 2010 год было вполне оправданным. Во-первых, в решении по существу Суд отложил на неопределенный срок рассмотрение вопроса о возможном применении статьи 41 Конвенции, оставив этот вопрос открытым. Как до, так и после вынесения решения государство-заявитель просто ждало дальнейших инструкций от Суда, который должен был установить дальнейшую процедуру в соответствии со своим Регламентом. Во-вторых, после вынесения основного решения Кипр добросовестно надеялся, что оно будет надлежащим образом приведено в исполнение с помощью обычного механизма Комитета министров Совета Европы. Лишь несколько лет спустя, когда стало очевидно, что Турция не желает решать вопрос политическими средствами (то есть путем принятия общих и конкретных мер), кипрское правительство осознало, что у него нет другого выхода, кроме как обратиться к Суду снова, чтобы обеспечить надлежащее исполнение решения путем присуждения справедливой компенсации. В частности, возникла тупиковая ситуация из-за разного толкования решения по делу *Demopoulos and Others v. 04, 14163/04, 19993/04 и 21819/04*, ЕСПЧ 2010 г.); в отличие от Турции, правительство Кипра не считало, что это может быть истолковано как вывод о том, что Турция выполнила свои обязательства, чтобы выполнить основное судебное решение. Более того,

14. Зная, что ряд индивидуальных жалоб, пересекающихся с межгосударственным делом, находится на рассмотрении Суда, Правительство-заявитель считало, что таким индивидуальным жалобам должен быть предоставлен приоритет. Однако в свете «ново сформулированных сроков» в деле *Varnava and Others v. 90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90*, ЕСЧР 2009), они должны были подать это заявление, чтобы не потерять свои права по статье 41.

15. Что касается того, препятствует ли фактор времени Суду рассматривать требования о справедливой компенсации, правительство Кипра считает, что существует шесть соответствующих принципов международного права, а именно: погасительная давность, отказ и молчаливое согласие, эстоппель, *res judicata*, обязанность поддерживать статус-кво и добросовестно. Ни один из них не оправдывает прекращение дела по соображениям времени. Государство-заявитель сослалось на следующие основные аргументы в соответствии с шестью приведенными выше принципами. Прежде всего, в основном постановлении Суд четко указал, что рассмотрение дела было просто отложено, поэтому оно было оставлено открытым на неопределенный срок. Кроме того, отказ от права должен быть четким и недвусмысленным; это нельзя предположить. Кипр не делал явных или подразумеваемых заявлений и не вел себя так, чтобы показать, что он отказался или отказался от своего права требовать справедливой компенсации. Наоборот, в 2007 году он прямо заявил об этом праве в Суде, и против этого никто не возражал. Скорее Турция лишена права ссылаться на эстоппель, поскольку она не сделала этого в 2007 году.

16. По мнению кипрского правительства, течение времени не поставило турецкое правительство в невыгодное положение с точки зрения доказательств, поскольку факты не изменились; в основном они были такими же, как и в 2001 году. Кроме того, Турция не могла разумно ожидать, что иск о справедливой компенсации больше не будет предъявляться. Наконец, в 2001 году Суд постановил, что стороны будут ждать окончательного решения по вопросу о справедливой компенсации, и принцип добросовестности обязывал их сохранять существующее положение, насколько это возможно, с тем, чтобы это окончательное решение не было бы предвзятым. Это подорвало бы принцип эффективности, если бы Турции было позволено из-за ее несоблюдения решения помешать принятию этого окончательного решения.

17. Правительство Кипра также сослалось на законные ожидания отдельных жертв. Они сослались на статью 55 Конвенции, в соответствии с которой Договаривающиеся стороны договорились «не [прибегать] к действующим между ними договорам, конвенциям или декларациям для подачи ходатайства о споре, вытекающем из толкования или применения [Конвенции] к иным средствам урегулирования, чем те, которые предусмотрены [Конвенцией]». Отказ в адекватном средстве правовой защиты в делах между двумя государствами, каждое из которых специально согласилось предоставить юрисдикцию Суду и исключить любую другую форму урегулирования, противоречило бы принципу законных ожиданий.

(ii) Правительство Турции

18. Государство-ответчик считало, что требования государства-заявителя о справедливой компенсации были запоздалыми. В период с 2001 по 2010 год ничего или очень мало произошло, за исключением письма, направленного в Суд в августе 2007 года. требование в соответствии с Правилom 60 Регламента Суда, которое требует, чтобы не было неоправданной задержки в требованиях о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41. В настоящем деле Правительство-заявитель допустило такую неприемлемую задержку.

19. Правительство Турции отметило, что правительство Кипра не предъявляло никаких требований о справедливой компенсации в ходе разбирательства по существу дела. В своих письменных объяснениях от 22 ноября 1994 г. государство-заявитель не требовало справедливой компенсации, заявляя вместо этого, что межгосударственная жалоба была подана «без ущерба для индивидуальных жалоб против Турции в соответствии со статьей 25 [теперь статьей 34] Конвенции, которая уже сделаны или будут сделаны в будущем». Это означало, что Кипр действительно предпочел отдать приоритет надзорной функции Комитета министров и не обращаться в Суд за справедливой компенсацией. Это был их выбор в то время, но они могли выбрать и другое: на самом деле статьи 41 и 46 Конвенции имеют разные цели, и ничто не мешало кипрскому правительству своевременно предъявлять требования о справедливой компенсации одновременно с надзорным производством в Комитете министров. В любом случае, государство-заявитель должно было начать процесс вскоре после вынесения основного решения и не ожидать, что Суд установит процедуру по собственной инициативе. Не сделав этого, государство-заявитель не сделало всего, что оно могло разумно сделать для поддержания и удовлетворения своего требования, и их поведение должно быть истолковано как имплицитное отклонение требований о справедливой компенсации в настоящем деле. Правительство-заявитель должно было начать процесс вскоре после вынесения основного постановления и не ожидать, что Суд установит процедуру по собственной инициативе. Не сделав этого, государство-заявитель не сделало всего, что оно могло разумно сделать для поддержания и удовлетворения своего требования, и их поведение должно быть истолковано как имплицитное отклонение требований о справедливой компенсации в настоящем деле. Правительство-заявитель должно было начать процесс вскоре после вынесения основного постановления и не ожидать, что Суд установит процедуру по собственной инициативе. Не сделав этого, государство-заявитель не сделало всего, что оно могло разумно сделать для поддержания и удовлетворения своего требования, и их поведение должно быть

истолковано как имплицитное отклонение требований о справедливой компенсации в настоящем деле.

20. Правительство-ответчик также указало на тот факт, что требования о справедливой компенсации были направлены в Суд только после того, как Большая Палата вынесла решение по делу «Варнава и другие», упомянутому выше, в отношении ряда индивидуальных жалоб, поданных в соответствии со статьей 34, и суммы, первоначально заявленные кипрским правительством, составляли 12 000 евро (евро) в каждом случае, что в точности соответствовало сумме, предоставленной каждому из отдельных заявителей в деле "Варнава и другие". Это означает, что решение Суда по делу Варнава и другие, которое ограничило шансы на успех для отдельных заявителей, прозвучало тревожным звоночком для государства-заявителя и побудило их вернуться в Суд. Однако, по мнению турецкого правительства, как принцип добросовестности, так и соблюдение правила *res judicata* должны сделать невозможным для кипрского правительства возобновление этого вопроса сейчас; любые требования о справедливой компенсации должны подаваться в таких индивидуальных заявлениях (таких как Варнава и другие), а не в настоящем межгосударственном деле.

21. По мнению правительства Турции, применение статьи 41 было бы неоправданным, поскольку Комитет Организации Объединенных Наций по делам пропавших без вести значительно изменился после вынесения основного решения. Вопреки утверждениям кипрского правительства, был достигнут значительный прогресс в обнаружении и опознании останков жертв – и это было прямо признано Судом (см. *Charalambous and Others v. Turkey* (dec.), № 46744/07 и др.), 3 апреля 2012 г.). Таким образом, проблема «пропавших без вести» постепенно превращается в проблему «мертвых лиц», и, согласно постановлению Суда по делу Брекнелл против Соединенного Королевства (№ 32457/04, 27 ноября 2007 г.), это создает существенно новые процессуальные обязательства с новыми сроками. Таким образом, с одной стороны,

22. Турецкое правительство настаивало на том, чтобы конкретные временные положения Конвенции (в том виде, как они толкуются в деле Варнава и другие) имели приоритет над общими принципами международного права. Точнее, невозможно представить требования в межгосударственной жалобе, срок давности которых истек бы, если бы они были заявлены в индивидуальной жалобе в соответствии со статьей 34. Это нанесло бы огромный ущерб Турции, если бы индивидуальные требования, срок рассмотрения которых истек - исковой давности может быть возобновлено в заявлении о справедливой компенсации, поданном почти через девять лет после вынесения решения по существу.

(b) Оценка Суда

23. Суд повторяет, что положения Конвенции нельзя толковать и применять в вакууме. Несмотря на свой специфический характер документа в области прав человека, Конвенция является международным договором, который подлежит толкованию в соответствии с соответствующими нормами и принципами международного публичного права и, в частности, в свете Венской конвенции о праве международных договоров от 23 г. Май 1969 г. («Венская конвенция»). На самом деле, Суд никогда не рассматривал положения Конвенции как единственную основу для толкования закрепленных в ней прав и свобод. Напротив, он также должен учитывать любые соответствующие нормы и принципы международного права, применимые в отношении между Договаривающимися сторонами (см., среди прочего, Лоизиду против Турции (существо дела), 18 декабря 1996 г., § 43, Отчеты о судебных решениях). и Решения 1996-VI; *Ал.-Адсани против Соединенного Королевства* [ГК], нет. 35763/97, § 55, ЕСПЧ 2001XI; *Vosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi* против Ирландии [GC], no. 45036/98, § 150, ECHR 2005VI; *Демир и Байкара против Турции* [БП], №. 34503/97, § 67, ECHR 2008, и статья 31 § 3 (с) Венской конвенции).

24. Суд признает, что общее международное право, в принципе, признает обязанность правительства-заявителя в межгосударственном споре действовать без неоправданной задержки, чтобы поддерживать правовую определенность и не наносить несоразмерный ущерб законным интересам государства-ответчика. . Так, в деле «*Определенные фосфатные земли в Науру*» (Науру против Австралии (предварительные возражения), ICJ Reports 1992, p. 240) Международный Суд постановил:

«32. Суд признает, что даже при отсутствии какого-либо применимого договорного положения задержка со стороны государства-истца может сделать жалобу неприемлемой. Вместе с тем он отмечает, что международное право не устанавливает каких-либо конкретных сроков в этом отношении. Таким образом, Суд должен определить в свете обстоятельств каждого дела, делает ли истечение времени жалобу неприемлемой.

...

36. ... Суд считает, что, учитывая характер отношений между Австралией и Науру, а также предпринятые таким образом шаги, заявление Науру не стало неприемлемым по прошествии времени. Тем не менее, Суд должен будет в надлежащее время обеспечить, чтобы задержка Науру с его рассмотрением никоим образом не нанесла ущерба Австралии как в отношении установления фактов, так и в отношении определения содержания применимого права».

25. Прежде всего, Суд отмечает, что настоящее заявление было подано в 1994 году в бывшую Европейскую комиссию по правам человека в соответствии с системой, предшествовавшей вступлению в силу Протокола № 11 (см. пункт 1 выше). В соответствии с действовавшими тогда Правилами процедуры Комиссии ни правительство-заявитель в межгосударственном деле, ни отдельный заявитель не должны были делать общее указание своих требований о справедливом удовлетворении в своей форме заявления. Далее Суд напоминает, что в своем письме от 29 ноября 1999 г., направленном обоим правительствам, он прямо указывал правительству-заявителю не предъявлять никаких требований о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции на стадии рассмотрения по существу (см. пункт 3 выше); поэтому понятно, что они этого не сделали. Он также отмечает, что в своем постановлении от 10 мая 2001 г. он постановил, что «вопрос о возможном применении статьи 41 Конвенции не был готов для решения, и отложил его рассмотрение» (часть VIII постановляющей части). Сроки подачи сторонами своих требований о справедливой компенсации не устанавливались (см. пункты 2-4 выше). Суд должен установить, несмотря на отсутствие сроков, тот факт, что правительство Кипра не представило свои требования о справедливой компенсации до 11 марта 2010 года, тем не менее сделал эти требования неприемлемыми в соответствии с основными критериями, определенными в деле Науру. . Сроки подачи сторонами своих требований о справедливой компенсации не устанавливались (см. пункты 2-4 выше). Суд должен установить, несмотря на отсутствие сроков, тот факт, что правительство Кипра не представило свои требования о справедливой компенсации до 11 марта 2010 года, тем не менее сделал эти требования неприемлемыми в соответствии с основными критериями, определенными в деле Науру. . Сроки подачи сторонами своих требований о справедливой компенсации не устанавливались (см. пункты 2-4 выше). Суд должен установить, несмотря на отсутствие сроков, тот факт, что правительство Кипра не представило свои требования о справедливой компенсации до 11 марта 2010 года, тем не менее сделал эти требования неприемлемыми в соответствии с основными критериями, определенными в деле Науру. .

26. Суд считает, что это не так. Во-первых, в отличие от дела Науру, рассмотренного Международным Судом, оспариваемая задержка произошла не до подачи межгосударственной жалобы, а между вынесением этим Судом решения по существу дела и продолжающимся надзором. об исполнении этого решения Комитетом министров. На этом этапе дела оба правительства имели право полагать, что вопрос, касающийся возможного присуждения справедливой компенсации, был отложен до дальнейшего развития

событий. Более того, вопрос о справедливой компенсации неоднократно упоминался в ходе разбирательства по существу дела (см. пункты 2-3 выше). В основном судебном решении вопрос о возможном присуждении справедливой компенсации был отложен. Это ясно и недвусмысленно означало, что Суд не исключил возможности возобновления рассмотрения этого вопроса в какой-то подходящий момент в будущем. Поэтому ни одна из сторон не могла разумно ожидать, что этот вопрос останется без внимания или что он будет погашен или аннулирован с течением времени. Наконец, как правильно указало правительство Кипра, они никогда не делали явных или подразумеваемых заявлений, показывающих, что они отказались или отказались от своего права требовать справедливой компенсации; напротив, их письмо от 31 августа 2007 г. следует рассматривать как четкое и недвусмысленное подтверждение этого права. В этих обстоятельствах Правительство-ответчик не имеет оснований утверждать, что возобновление рассмотрения требований Государства-заявителя нанесло бы ущерб их законным интересам, поскольку они должны были разумно ожидать, что этот вопрос вернется в Суд в какой-то момент. В свете решения по делу Науру, упомянутого выше, Суд считает, что в этом контексте элемент «предубеждения» прежде всего связан с процессуальными интересами государства-ответчика («установление фактов и определение содержания применимого права»), и что государство-ответчик должно было убедительно доказать неминуемость или вероятность такого предубеждения. Однако Суд не усматривает таких доказательств в настоящем деле. элемент «предвзятости» прежде всего связан с процессуальными интересами государства-ответчика («установление фактов и определение содержания применимого права»), и что государство-ответчик должно было убедительно доказать неминуемость или вероятность такого предубеждения. Однако Суд не усматривает таких доказательств в настоящем деле.

27. Поскольку правительство Турции ссылалось на надзорное производство в Комитете министров, Суд повторяет, что выводы о нарушении в его постановлениях носят по существу декларативный характер и что в соответствии со статьей 46 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязались подчиняться окончательным решениям Суда по любому делу, в котором они являются сторонами, исполнение которых находится под надзором Комитета министров (см. *Verein gegen Tierfabriken Schweiz (VgT) против Швейцарии (№ 2)* [БП],

№ 32772/ 02, § 61, ЕСПЧ 2009 г.). В этом отношении не следует смешивать, с одной стороны, разбирательство в Суде, который правомочен устанавливать нарушения Конвенции в окончательных решениях, обязательных для государств-участников (статья 19 в сочетании со статьей 46 § 1). и предоставить справедливую компенсацию (статья 41), где это уместно, и, с другой стороны, механизм надзора за исполнением судебных решений, который находится в ведении Комитета министров (статья 46 § 2). В соответствии со статьей 46 государство-участник обязано не только выплатить заинтересованным сторонам суммы, присужденные Судом в качестве справедливой компенсации, но также принять индивидуальные и/или, если это уместно, общие меры в рамках своего внутреннего правопорядка, чтобы положить прекращение нарушения, установленного Судом, и возмещение последствий с целью поставить заявителя, насколько это возможно, в положение, в котором он находился бы, если бы требования Конвенции не были проигнорированы (там же, § 85). Обязательство принимать индивидуальные и/или общие меры и выплата справедливой компенсации, хотя и связаны друг с другом, являются двумя различными формами возмещения ущерба.

28. Что касается событий между 2001 и 2010 годами в ходе или в связи с надзорным производством в Комитете министров, Суд считает, что эти события, несомненно, имеют значение при оценке существа требования правительства-заявителя о справедливой компенсации; однако они не мешают Суду рассмотреть это требование.

29. В свете вышеизложенного Суд не усматривает веских оснований считать требования кипрского правительства о справедливой компенсации запоздалыми и объявлять их неприемлемыми. Поэтому возражение турецкого правительства должно быть отклонено.

30. Суд также повторяет, что 14 марта 2012 г. он предложил правительству-заявителю представить «окончательный» вариант своих требований о справедливой компенсации и что их итоговые представления от 18 июня 2012 г. действительно следует рассматривать как окончательные. Следовательно, Суд считает, что настоящее решение завершает рассмотрение дела.

2. Применимость статьи 41 Конвенции к настоящему делу

(а) Доводы сторон

(i) Правительство Кипра

31. Правительство-заявитель утверждало, что статья 41 Конвенции применима к межгосударственным спорам в целом и к настоящему делу в частности. Прежде всего, они указали на тот факт, что в самом

тексте статьи 41 не проводится различия между индивидуальными делами и межгосударственными делами, причем последние прямо не исключаются из сферы применения правила справедливого удовлетворения. Они также ссылались на принцип эффективности индивидуальных прав, защищаемых Конвенцией. Государство-заявитель предложило рассматривать эту норму в свете двух других принципов, определенных прецедентной практикой Суда: с одной стороны, статус Конвенции как инструмента международного публичного права, который должен толковаться в соответствии с правилами и принципами, кодифицированные в Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров и, с другой стороны, конкретный объект и цель Конвенции как международного договора по правам человека. По мнению кипрского правительства, эти принципы особенно важны для способности Суда присуждать справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции, которая обеспечивает наличие эффективных средств обеспечения соблюдения Конвенции и поощрения Договаривающихся сторон не игнорировать постановления Суда. Другими словами, статью 41 следует интерпретировать как важный инструмент, находящийся в распоряжении Суда, с целью обеспечения соблюдения его собственных постановлений как в отдельных делах в соответствии со статьей 34, так и в межгосударственных делах в соответствии со статьей 33. эти принципы особенно важны для способности Суда присуждать справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции, что обеспечивает наличие эффективных средств обеспечения соблюдения Конвенции и поощрения Договаривающихся сторон не игнорировать постановления Суда. Другими словами, статью 41 следует интерпретировать как важный инструмент, находящийся в распоряжении Суда, с целью обеспечения соблюдения его собственных постановлений как в отдельных делах в соответствии со статьей 34, так и в межгосударственных делах в соответствии со статьей 33. эти принципы особенно важны для способности Суда присуждать справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции, что обеспечивает наличие эффективных средств обеспечения соблюдения Конвенции и поощрения Договаривающихся сторон не игнорировать постановления Суда. Другими словами, статью 41 следует интерпретировать как важный инструмент, находящийся в распоряжении Суда, с целью обеспечения соблюдения его собственных постановлений как в отдельных делах в соответствии со статьей 34, так и в межгосударственных делах в соответствии со статьей 33.

32. Правительство-заявитель также сослалось на статью 32 § 1 Конвенции, согласно которой «юрисдикция Суда распространяется на все вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции и

Протоколов к ней, которые переданы ему, как это предусмотрено в статьях 33, 34, 46 и 47». По их мнению, эти четыре статьи следует рассматривать как часть уникальной структурированной системы вместе со статьей 32 § 1: статьи 33, 34, 46 и 47 устанавливают различные пути, по которым дело может быть передано в Суд, но они не устанавливают отдельные сферы или виды юрисдикции Суда. Независимо от того, каким образом жалоба против государства поступает в Суд, юрисдикция последнего остается неизменной и включает компетенцию присуждать справедливую компенсацию. Нет оснований думать иначе, поскольку на карту поставлены права человека такие же и, возможно, даже более серьезные, чем в отдельном случае; кроме того, авторы Конвенции прямо в тексте статьи 41 не поставили ограничения на возможность присуждения справедливой компенсации; и, наконец, нет указаний на то, что существует подразумеваемое ограничение, вытекающее из самой логики этого положения (или статьи 33). Таким образом, нельзя сказать, что Суд имеет меньше полномочий в отношении дел, переданных ему в порядке межгосударственного обращения, чем в отношении дел, возбужденных в порядке индивидуального обращения. нет указаний на то, что существует подразумеваемое ограничение, вытекающее из самой логики этого положения (или статьи 33). Таким образом, нельзя сказать, что Суд имеет меньше полномочий в отношении дел, переданных ему в порядке межгосударственного обращения, чем в отношении дел, возбужденных в порядке индивидуального обращения. нет указаний на то, что существует подразумеваемое ограничение, вытекающее из самой логики этого положения (или статьи 33). Таким образом, нельзя сказать, что Суд имеет меньше полномочий в отношении дел, переданных ему в порядке межгосударственного обращения, чем в отношении дел, возбужденных в порядке индивидуального обращения.

33. По заявлению кипрского правительства, сам Суд всегда имплицитно считал статью 41 применимой к межгосударственным делам, и это отражено как в Регламенте Суда, так и в прецедентной практике Суда. В этом отношении они процитировали правило 46 (е), согласно которому правительство-заявитель в межгосударственном деле должно подать заявление с изложением «общего указания на любые требования о справедливой компенсации, предъявленные в соответствии со статьей 41 Конвенции от имени предполагаемой потерпевшей стороны или сторон», а также Правил 60 и 75 § 1, в которых не проводится различие между индивидуальными и межгосударственными заявлениями.

34. Что касается прецедентной практики Суда, то правительство Кипра считает, что Суд сам косвенно, но совершенно ясно признал, что правило справедливого удовлетворения действительно

применяется в межгосударственных делах. Так, в деле Ирландия против Соединенного Королевства (18 января 1978 г., §§ 244-46, Серия А, № 25) Суд вместо того, чтобы объявить прежнюю статью 50 неприменимой, просто посчитал, что «не было необходимости ее применять». Аналогичным образом, в настоящем деле Суд просто отложил рассмотрение вопроса о справедливой компенсации вместо того, чтобы отклонить его.

35. Наконец, государство-заявитель указало, что Суд обладает дискреционными полномочиями в соответствии со статьей 41. И прецедентная практика Суда, и ученые-правоведы всегда подчеркивали, что, когда Суд присуждает справедливую компенсацию, применение статьи 41 является вопросом, полностью относящимся к усмотрению Суда в любом конкретном случае, включая межгосударственное заявление. В данном случае требование кипрского правительства о справедливой компенсации не является требованием о возмещении материального ущерба, непосредственно причиненного Кипру как государству, а скорее требованием о присуждении справедливой компенсации отдельным пострадавшим сторонам, его гражданам, в отношении нарушений, уже установлено, что это произошло.

(ii) Правительство Турции

36. Правительство Турции считает, что, как правило, статья 41 не применяется к межгосударственным спорам. Во-первых, резолютивная часть основного судебного решения не может быть истолкована как признание, хотя и неявное, применимости правила справедливого удовлетворения в межгосударственных делах. В постановлении Суд говорил лишь о «возможном» применении статьи 41. Правительство Турции также утверждало, что решение Большой палаты по делу *Varnava and Others* (упомянутое выше, § 118) должно быть истолковано как признание отсутствия юрисдикции суду присудить справедливую компенсацию в межгосударственном деле. Кроме того, государство-ответчик предложило рассмотреть статью 41 Конвенции в общем контексте права международной ответственности, право дипломатической защиты и принципы международной защиты прав человека. В то время как статья 33 в основном соответствует классической логике дипломатической защиты (прямая ответственность государства перед государством), статья 34 представляет собой отступление от этой логики: лица могут посредством индивидуальных заявлений действовать непосредственно против государства, предположительно совершившего правонарушение, и требовать справедливой компенсации, без необходимости испрашивать дипломатическую защиту своего национального государства. Для правительства Турции это описание

оправдывает вывод о том, что статья 41 Конвенции не применяется к межгосударственным разбирательствам, за исключением, возможно, случаев, когда нарушение нанесло прямой ущерб государству-участнику, подавшему жалобу. Другими словами, сфера действия статьи 41 как таковой в принципе ограничена механизмом индивидуальных применений.

37. Другой аргумент, используемый Правительством-ответчиком в пользу неприменимости статьи 41 к межгосударственным делам, заключается в том, что такие дела не мотивированы личным интересом заявителя. В этом отношении турецкое правительство сослалось на прецедентное право Европейской комиссии по правам человека, согласно которому государство-заявитель в межгосударственном споре не обеспечивает соблюдение своих прав или прав своих граждан, а скорее защищает общественный порядок в Европе (см. Австрия против Италии, № 788/60, решение Комиссии от 11 января 1961 г., Ежегодник 6, стр. 116). Действительно, межгосударственные жалобы направлены на обжалование моделей поведения официальных лиц, приводящих к продолжающимся нарушениям Конвенции. Межгосударственные жалобы по определению должны быть шире, чем индивидуальные жалобы; они должны относиться к системным сбоям, а не к отдельным нарушениям. В этом контексте установление факта нарушения само по себе достигает цели межгосударственного судебного разбирательства. С другой стороны, каждый отдельный заявитель имеет возможность подать свою собственную жалобу в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции и получить справедливую компенсацию; поэтому было бы неправильно смешивать эти процедуры, имеющие столь разные цели. и получить справедливое удовлетворение; поэтому было бы неправильно смешивать эти процедуры, имеющие столь разные цели. и получить справедливое удовлетворение; поэтому было бы неправильно смешивать эти процедуры, имеющие столь разные цели.

38. Ссылаясь на прецедентную практику Суда, государство-ответчик считало, что справедливая компенсация в соответствии со статьей 41 Конвенции должна включать физическую или психологическую травму, боль и страдание, дистресс, тревогу, разочарование, чувство несправедливости или унижения, длительную неопределенность, нарушение к жизни и т. д. Эти факторы относятся исключительно к страданиям отдельного заявителя, то есть физического лица, и не имеют значения в межгосударственном деле. Что касается Регламента Суда, Правительство-ответчик утверждало, что использование одушевленных личных местоимений «его» или «ее» (вместо «его») в Правиле 60 § 1 показывает, что это правило касается только отдельных лиц, а не Государств.

(b) Оценка Суда

39. Суд отмечает, что до сих пор единственным делом, в котором ему приходилось рассматривать применимость правила справедливого удовлетворения в межгосударственном деле, было решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства, упомянутое выше. В этом деле Суд установил, что нет необходимости применять это правило (бывшая статья 50 Конвенции), поскольку государство-заявитель прямо заявило, что оно «[не предлагало] Суду присудить справедливую компенсацию... характер денежной компенсации любой жертве нарушения Конвенции» (там же, §§ 245–46).

40. Суд далее повторяет, что общая логика правила справедливого удовлетворения (статья 41 или бывшая статья 50 Конвенции), как это предполагалось ее составителями, непосредственно вытекает из принципов международного публичного права, касающихся ответственности государств, и имеет быть истолковано в этом контексте. Это подтверждается подготовительными материалами к Конвенции, согласно которым,

«...это положение соответствует действующему международному праву, касающемуся нарушения обязательства государством. Таким образом, в этом отношении судебная практика Европейского суда никогда не будет вводить какой-либо новый элемент или элемент, противоречащий существующему международному праву...» (Доклад, представленный комитетом экспертов Комитету министров Совета Европы 16 марта 1950 г. (док. CM/WP 1(50)15)).

41. Наиболее важный принцип международного права, касающийся нарушения государством договорного обязательства, заключается в том, что «нарушение обязательства влечет за собой обязательство произвести возмещение в надлежащей форме» (см. решение Постоянной палаты международного правосудия по делу Фабрики в Хожуве (юрисдикция), Решение № 8, 1927 г., ПППП, Серия А, № 9, стр. 21). Несмотря на специфический характер Конвенции, общая логика статьи 41 существенно не отличается от логики возмещения ущерба в международном публичном праве, согласно которому «[i]сть устоявшаяся норма международного права, согласно которой потерпевшее государство имеет право на получение компенсации от государства, совершившего международно-противоправное деяние, за причиненный им ущерб» (см. Суд в деле Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Словакии), ICJ Reports 1997, p. 81, § 152). Столь же хорошо установлено, что международный суд или трибунал, обладающий юрисдикцией в отношении заявления об ответственности государств, имеет, как аспект этой юрисдикции, право присуждать компенсацию за понесенный ущерб (см. решение Международного Суда в деле о юрисдикции рыболовства (Федеративная Республика Германия против Исландии) (существо дела), ICJ Reports 1974, pp. 203-05, §§ 71-76).

42. В этих обстоятельствах, принимая во внимание специфический характер статьи 41 как *lex specialis* по отношению к общим нормам и принципам международного права, Суд не может интерпретировать это положение настолько узко и ограничительно, чтобы исключить межгосударственные жалобы из своей компетенции. объем. Напротив, такое толкование подтверждается формулировкой статьи 41, предусматривающей «предоставление справедливой компенсации потерпевшему» (во французском языке – «à la partie lésée»); под «стороной» (со строчной буквой «р») следует понимать одну из фактических сторон разбирательства в Суде. Ссылка правительства-ответчика на текущую формулировку пункта 1 правила 60 Регламента Суда (пункты 12 и 38 выше) не может считаться убедительной в этом отношении. По сути, эта норма,

43. Таким образом, Суд считает, что статья 41 Конвенции как таковая применима к межгосударственным делам. Однако вопрос о том, является ли оправданным предоставление справедливой компенсации государству-заявителю, должен оцениваться и решаться Судом в каждом конкретном случае с учетом, в частности, типа жалобы, поданной государством-заявителем, могут быть идентифицированы жертвы нарушений, а также основная цель возбуждения дела, насколько это можно усмотреть из первоначального обращения в Суд. Суд признает, что заявление, поданное ему в соответствии со статьей 33 Конвенции, может содержать различные виды жалоб, преследующих разные цели.

44. Так, например, Договаривающаяся сторона-заявитель может жаловаться на общие проблемы (системные проблемы и недостатки, административная практика и т. д.) в другой Договаривающейся стороне. В таких случаях основной целью правительства-заявителя является защита общественного порядка в Европе в рамках коллективной ответственности по Конвенции. В этих обстоятельствах может быть нецелесообразно присуждать справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41, даже если государство-заявитель предъявит такое требование.

45. Существует также другая категория межгосударственных жалоб, когда государство-заявитель осуждает нарушения другой Договаривающейся стороной основных прав человека своих граждан (или других жертв). На самом деле такие требования в значительной степени аналогичны не только тем, которые подаются в индивидуальном заявлении в соответствии со статьей 34 Конвенции, но также и требованиям, поданным в контексте дипломатической защиты, то есть «призывом государства посредством дипломатических действий или иных средств». мирного урегулирования, ответственности другого государства за вред, причиненный международно-противоправным деянием этого государства

физическому или юридическому лицу, являющемуся гражданином первого государства, в целях реализации такой ответственности» (статья 1 Проект статей Комиссии международного права о дипломатической защите, 2006 г., см. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/61/10), а также решение Международного Суда по делу Диалло (Гвинея против Демократической Республики Конго).) (предварительные возражения), ICJ Reports 2007, p. 599, § 39). Если Суд удовлетворит жалобу такого типа и установит нарушение Конвенции, присуждение справедливой компенсации может быть уместным с учетом конкретных обстоятельств дела и критериев, изложенных в пункте 43 выше.

46. Однако следует всегда помнить, что, в соответствии с самой природой Конвенции именно лицо, а не государство, прямо или косвенно страдает и в первую очередь «ущемляется» в результате нарушения одного или нескольких конвенционных прав. Поэтому, если в межгосударственном деле предоставляется справедливая компенсация, она всегда должна производиться в интересах отдельных потерпевших. В этом отношении, Суд отмечает, что статья 19 вышеупомянутых статей о дипломатической защите рекомендует «передавать потерпевшему любую компенсацию, полученную за ущерб от ответственного государства, с учетом любых разумных вычетов». Кроме того, в вышеупомянутом деле Диалло Международный Суд прямо указал, что «сумма, присужденная [государству-заявителю] в порядке осуществления дипломатической защиты г-на Диалло, предназначена для возмещения ущерба, причиненного последнему» (см. Гвинея против Демократической Республики Конго) (компенсация), ICJ Reports 2012, p. 344, § 57).

47. В настоящем деле Суд находит, что кипрское правительство представило требования о справедливой компенсации в отношении нарушений конвенционных прав двух достаточно точно и объективно идентифицируемых групп людей, а именно 1456 пропавших без вести лиц и проживающих в анклаве киприотов-греков, проживающих в полуостров Карпас. Другими словами, справедливая компенсация испрашивается не с целью компенсации государству за нарушение его прав, а в интересах отдельных жертв, как описано в пункте 45 выше. В этих обстоятельствах, а также в отношении пропавших без вести лиц и жителей Карпаса Суд считает, что государство-заявитель имеет право предъявить иск в соответствии со статьей 41 Конвенции, и что присуждение справедливой компенсации в настоящем деле было бы оправдано.

В. Требования о справедливой компенсации кипрского правительства

1. Доводы сторон

а) Заявления о пропавших без вести лицах

(i) Правительство Кипра

48. Правительство Кипра заявило, что, принимая во внимание результаты дел Варнава и др., упомянутых выше, и Карефиллидес и др. против Турции ((дек.), № 45503/99, 1 декабря 2009 г.), «теперь представляется [ред] что отдельные заявители в связи с продолжающимися нарушениями, касающимися исчезновений членов семьи, [могли] не (если не [были] новые доказательства или информация, влекущие за собой новые обязательства для властей принять дополнительные следственные меры) подавать иски в Суд из-за новых постановлений о приемлемости». Правительство-заявитель признало, что из 1485 пропавших без вести лиц, упомянутых в пункте 119 основного постановления, некоторые должны быть исключены. Во-первых, девять пропавших без вести уже фигурировали в индивидуальных заявлениях по делу «Варнава и другие». Во-вторых, останки двадцати восьми человек были эксгумированы и идентифицированы, но не было установлено, что они погибли в результате действий Турции; поэтому в отношении этих людей не может быть предъявлено никаких претензий. С другой стороны, государство-заявитель настаивало на фактической точности существующего списка пропавших без вести лиц, поскольку турецкая сторона никогда не оспаривала действительность этого списка. Таким образом, справедливая компенсация испрашивается в отношении 1 456 человек.

49. В своих первоначальных замечаниях правительство Кипра требовало 12 000 евро за каждого пропавшего без вести, эта сумма соответствовала сумме, присужденной судом по делу Варнава и другие, но в окончательной версии своих замечаний они отказались от этого требования и вместо этого потребовали от Суда присудить справедливую компенсацию. «по стандартной ставке в соответствии с принципами справедливости». В этом отношении правительство Кипра сочло, что сумма в размере 12 000 евро на человека, присужденная по делу «Варнава и другие», не соответствует значительно более высоким суммам, присужденным по другим недавним и юридически аналогичным делам. Суммы справедливой компенсации должны быть предоставлены судом правительству Кипра, которое затем распределит их между отдельными жертвами, то есть между членами семей пропавших без вести лиц.

(ii) Правительство Турции

50. Правительство Турции утверждало, что Суд не сделал каких-либо конкретных выводов относительно количества пропавших без вести лиц в решении по существу. Таким образом, у государства-заявителя не было оснований предъявлять гипотетические требования от имени неустановленных бенефициаров. Родственники пропавших без вести лиц теперь должны ждать восстановления процессуального обязательства в соответствии с принципами, закрепленными в деле Брекнелла, приведенном выше. С течением времени количество возможных бенефициаров могло измениться; могут исчезнуть законные интересы некоторых и т. д. Кроме того, трудно обеспечить точный расчет убытков. Эта ситуация усугубляется отсутствием действий в течение почти девяти лет с момента вынесения решения по существу дела, ответственность за которое не возлагается на Турцию.

(b) Претензии, касающиеся жителей полуострова Карпас*(i) Правительство Кипра*

51. В своих замечаниях от 18 июня 2012 года правительство Кипра потребовало справедливой компенсации не только в отношении пропавших без вести лиц, но и в отношении нарушений прав человека киприотов-греков на полуострове Карпас, как было установлено Большой палатой. Точнее, эти новые жалобы касались нарушений статей 3, 8, 9, 10 и 13 Конвенции и статьи 2 Протокола № 1, установленных Судом. Правительство Кипра подчеркнуло, что эти новые претензии не касаются нарушения прав собственности в соответствии со статьей 1 Протокола № 1.

52. В связи с этим правительство Кипра просило следующее:

«Принимая во внимание тот факт, что жители Карпаса не были жертвами единичного и изолированного нарушения (как в делах, упомянутых выше), а были жертвами многочисленных поддерживаемых государством и расово мотивированных нарушений на протяжении многих лет, приведенные выше критерии предполагают скромная компенсация морального вреда в размере не менее 50 000 [фунтов стерлингов (GBP)] на человека. Следует напомнить, что Суд постановил, что действия Турции унижают и нарушают само понятие уважения достоинства членов общины Карпас.

(1) Суд должен поручить Турции выплатить Кипру сумму в размере 50 000 [фунтов стерлингов] за каждого киприота-грека, проживающего на полуострове Карпас в период с июля 1974 г. до даты вынесения решения Большой палатой в мае 2001 г. (Затем Кипр распределит суммы между потерпевшими). или их наследники...);

(2) Количество таких резидентов должно быть согласовано между сторонами в течение 6 месяцев после вынесения постановления Суда, а при отсутствии соглашения должно быть принято Председателем Суда на основании письменных доказательств и представлений относительно число и местонахождение жителей и их наследников».

(ii) Правительство Турции

53. Правительство Турции с самого начала подчеркнуло, что правительству Кипра потребовалось более одиннадцати лет после вынесения основного судебного решения, чтобы предъявить свои требования. Более того, они не предприняли никаких усилий для определения числа возможных бенефициаров. Наконец, утверждения государства-заявителя касались фактов, относящихся к 1974 году, в то время как прежняя Комиссия постановила в своем отчете, что она может рассматривать утверждения о нарушениях, предположительно совершенных в течение шестимесячного периода, предшествующего дате подачи жалобы.

54. Турецкое правительство далее пояснило, что условия жизни в Карпаче улучшились и что в «ТРСК» существует функционирующая судебная система, открытая для киприотов-греков, проживающих на севере.

55. По мнению правительства Турции, статья 41 не дает права на справедливую компенсацию, и в самом тексте этого положения содержится элемент дискреционного характера. В контексте настоящего дела Суд должен принять во внимание продолжающийся процесс исполнения в Комитете министров. Наконец, Конвенция не гарантирует права на штрафные санкции; Суд последовательно отклонял такие требования. В настоящем деле государство-ответчик считало, что Суд должен решить, что установление нарушения в решении по существу дает достаточное удовлетворение.

2. Оценка Суда

56. Суд хотел бы повторить свое общее заявление, сделанное по делу «Варнава и другие», упомянутое выше, и которое также относится к любому присуждению возмещения убытков в межгосударственном деле:

«224. Суд отмечает, что в нем нет прямого положения о возмещении морального или морального вреда. Развиваясь от случая к случаю, подход Суда к присуждению справедливой компенсации различал ситуации, когда заявитель перенес очевидную травму, будь то физическую или психологическую, боль и страдание, дистресс, тревогу, разочарование, чувство несправедливости или унижения, длительную неопределенность, нарушение жизни, или реальная упущенная возможность ... и те ситуации, когда публичное оправдание несправедливости, понесенной заявителем, в судебном решении, имеющем обязательную силу для Договаривающегося государства, само по себе является мощной формой возмещения ущерба. Во многих случаях, когда обнаруживается, что закон, процедура или практика не соответствуют стандартам Конвенции, этого достаточно, чтобы исправить положение... Однако в некоторых ситуациях влияние нарушения может рассматриваться как имеющее такой характер и степень, что оно настолько серьезно повлияло на моральное благополучие заявителя, что требует чего-то большего. Такие элементы не поддаются процессу расчета или точной количественной оценке.

Роль Суда также не заключается в том, чтобы действовать подобно национальному суду по деликтному праву при распределении вины и возмещении убытков между гражданскими сторонами. Его руководящим принципом является справедливость, которая прежде всего предполагает гибкость и объективное рассмотрение того, что является справедливым, справедливым и разумным во всех обстоятельствах дела, включая не только положение заявителя, но и общий контекст, в котором произошло нарушение. Его нематериальные компенсации служат для признания того факта, что моральный ущерб был причинен в результате нарушения основных прав человека, и отражают в самом широком смысле тяжесть ущерба; они не предназначены и не должны быть предназначены для финансового утешения или сочувственного обогащения за счет заинтересованной Договаривающейся Стороны».

Суд также подчеркнул, что «заявители [в этом деле] пережили десятилетия незнания, что, должно быть, оставило на них глубокий след» (там же, § 225).

57. К этому Суд может лишь добавить, что нет никаких сомнений в длительном чувстве беспомощности, бедствия и беспокойства жителей Карпаса, чьи права в соответствии со статьями 3, 8, 9, 10 и 13 Конвенции и статьей 2 Протокола № 1 были признаны в основном судебном решении были нарушены.

58. С учетом всех обстоятельств дела, и оценивая на справедливой основе, Суд считает разумным присудить правительству Кипра совокупные суммы в размере 30 000 000 евро в качестве компенсации морального вреда, понесенного оставшимися в живых родственниками пропавших без вести, и 60 000 000 евро в качестве компенсации морального вреда, понесенного жителями анклава полуострова Карпас плюс любой налог, который может взиматься с этих сумм. Вышеупомянутые суммы должны быть распределены государством-заявителем между отдельными жертвами нарушений, установленных в основном постановлении по этим двум пунктам (см., *mutatis mutandis*, решение Международного Суда по делу Диалло (компенсация), цитировался выше).

59. Далее Суд повторяет, что в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции надзор за исполнением постановлений Суда возлагается на Комитет министров. В конкретных обстоятельствах дела Суд считает, что правительству Кипра следует предоставить под надзором Комитета министров создание эффективного механизма для распределения вышеупомянутых сумм между отдельными потерпевшими. Это распределение должно быть осуществлено в течение восемнадцати месяцев с даты платежа Правительством-ответчиком или в течение любого другого периода, который Комитет Министров сочтет целесообразным.

С. Проценты за неуплату

60. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка по умолчанию основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

II. ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА КИПРА О «ДЕКЛАРАТИВНОМ РЕШЕНИИ»

61. В своем заявлении от 25 ноября 2011 года правительство Кипра просило Суд принять «декларативное решение», в котором говорится:

«(i) что в соответствии со статьей 46 Турция обязана соблюдать решение по делу Кипра v. Турция, воздерживаясь от разрешения, участия или попустительства или иного соучастия в незаконной продаже и эксплуатации домов и собственности киприотов-греков в северной части Кипра;

(ii) что это обязательство, возникающее в соответствии со статьей 46, не снимается решением Суда о приемлемости в деле Demopoulos and Others».

62. Суд отмечает, что государство-ответчик связано статьей 46 и, следовательно, своими международными обязательствами по соблюдению основного постановления. Он подтверждает общий принцип, согласно которому государство-ответчик остается свободным в выборе средств, с помощью которых оно будет выполнять свое юридическое обязательство в соответствии с вышеупомянутым положением, и что надзор за исполнением постановлений Суда является обязанностью Комитета министров.

63. Суд считает, что нет необходимости рассматривать вопрос о том, обладает ли он компетенцией в соответствии с Конвенцией выносить «декларативное решение» в порядке, требуемом государством-заявителем, поскольку ясно, что государство-ответчик в любом случае формально связаны соответствующими условиями основного судебного решения. В этой связи следует напомнить, что Суд постановил, что имело место продолжающееся нарушение статьи 1 Протокола № 1 в силу того факта, что кипрско-греческим владельцам собственности на севере Кипра отказано в доступе и контроле, использовании и пользовании их имуществом, а также любую компенсацию за вмешательство в их имущественные права (Часть III, пункт 4 оперативных положений основного судебного решения). Таким образом, на Комитет министров возлагается ответственность за то, чтобы этот вывод, которое является обязательным в соответствии с Конвенцией и которое еще не было выполнено, полностью применяется государством-ответчиком. Такое соблюдение не может, по мнению Суда, согласовываться с любым возможным разрешением, участием, молчаливым согласием или иной формой соучастия в любой

незаконной продаже или эксплуатации домов и собственности киприотов-греков в северной части Кипра. Кроме того, упомянутое выше решение Суда по делу Демопулоса и других о том, что дела, представленные отдельными лицами в связи с жалобами на нарушение права собственности, должны быть отклонены в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, не может рассматриваться как принятое по его самостоятельно решить вопрос о соблюдении Турцией части III постановляющей части основного судебного решения по межгосударственному делу.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что по прошествии времени, прошедшего после вынесения основного судебного решения 10 мая 2001 г., требования государства-заявителя о справедливой компенсации не стали неприемлемыми;
2. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что статья 41 применяется к настоящему делу в отношении пропавших без вести лиц;
3. Постановил пятнадцатью голосами против двух, что статья 41 применяется к настоящему делу в отношении проживающих в анклав киприотов-греков на полуострове Карпас;
4. Постановил пятнадцатью голосами против двух:
  - (a) что Правительство-ответчик должно выплатить Государству-заявителю в течение трех месяцев 30 000 000 евро (тридцать миллионов евро) плюс любые налоги, которые могут взиматься, в отношении морального вреда, понесенного родственниками пропавших без вести лиц;
  - (b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты простых процентов на вышеуказанную сумму должны выплачиваться по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода дефолта плюс три процентных пункта;
  - (c) что вышеуказанная сумма будет распределена Правительством-заявителем среди отдельных жертв под надзором Комитета Министров в течение восемнадцати месяцев с даты выплаты или в течение любого другого периода, который Комитет Министров сочтет целесообразным;

5. Постановил пятнадцатью голосами против двух

- (а) что государство-ответчик должно выплатить правительству-заявителю в течение трех месяцев 60 000 000 евро (шестьдесят миллионов евро) плюс любые налоги, которые могут взиматься, в отношении морального вреда, понесенного проживающими в анклаве киприотами-греками, проживающими в полуостров Карпас;
- (б) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты простых процентов на вышеуказанную сумму должны выплачиваться по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода дефолта плюс три процентных пункта;
- (с) что вышеуказанная сумма будет распределена Правительством-заявителем среди отдельных жертв под надзором Комитета Министров в течение восемнадцати месяцев с даты выплаты или в течение любого другого периода, который Комитет Министров сочтет целесообразным.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичных слушаниях во Дворце прав человека в Страсбурге 12 мая 2014 года.

Майкл О'Бойл
Заместитель Секретаря

Хосеп Касадеваль
президент

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются следующие отдельные мнения:

- (а) совместное совпадающее мнение судей Зупанчича, Гюлумяна, Давида Тура Бьоргвинссона, Николау, Сайо, Лазаровой Трайковской, Пауэр-Форде, Вучинич и Пинто де Альбукерке;
- (б) совпадающее мнение судьи Пинто де Альбукерке, к которому присоединился судья Вучинич;
- (с) частично совпадающее мнение судей Тюлькенса, Вайича, Раймонди и Бьянку, к которому присоединился судья Каракаш;
- (d) частично совпадающее и частично особое мнение судьи Касадеваля;
- (е) особое мнение судьи Каракаша.

JCM
M.O'B

**СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ
ЗУПАНЧИЧ, ГЮЛУМЯН, ДАВИД ТОР БЬЁРГВИНССОН,
НИКОЛАУ, САЙО, ЛАЗАРОВА ТАЙКОВСКАЯ,
Пауэрфорде, ВУЧИНИЧ И ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ**

Настоящее решение знаменует собой новую эру в обеспечении соблюдения прав человека, поддерживаемых Судом, и знаменует собой важный шаг в обеспечении соблюдения верховенства закона в Европе. Впервые в истории Суда Суд сделал конкретное судебное заявление относительно смысла и последствий одного из своих решений в контексте исполнения.

Заявление Суда, сформулированное в решительных и ясных выражениях, направлено на конкретный аспект процесса исполнения приговора, который все еще находится на рассмотрении Комитета министров. Оно приобретает еще большую силу в том, что оно означает, по причине выраженного Судом мнения о том, что в данных обстоятельствах такое заявление само по себе устраняет необходимость исследовать, является ли формальное декларативное решение для целей Статьи 46 Конвенции можно издать под статьей 41. Суд высказался: осталось его заслушать.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ В.У.ЧІНІС

1. Дело Кипр против Турции (справедливая компенсация) является самым важным вкладом в дело мира в Европе в истории Европейского суда по правам человека («Суд»). Суд не только признал применимость статьи 41 Европейской конвенции о правах человека («Конвенция») к межгосударственным жалобам и установил критерии для оценки срока для этих требований о справедливой компенсации, но и присудил штрафные убытки государству-истцу¹. Послание государствам-членам Совета Европы ясно: те государства-члены, которые ведут войну, вторгаются или поддерживают иностранную вооруженную интервенцию в других государствах-членах, должны заплатить за свои незаконные действия и последствия своих действий, а жертвы, их семьи и Государства, гражданами которых они являются, имеют законное и обеспеченное правовой санкцией право на получение надлежащей и полной компенсации от ответственного воюющего государства. Война и ее трагические последствия больше недопустимы в Европе, и те государства-члены, которые не соблюдают этот принцип, должны быть привлечены к судебной ответственности за свои действия без ущерба для дополнительных политических последствий.

Ввиду исторической важности этого постановления и скупой, а иногда и двусмысленной аргументации постановления, я считаю своим долгом изложить причины, по которым я согласен с выводами Суда. Следовательно, это заключение будет касаться следующих вопросов: полномочия Суда присуждать компенсацию в межгосударственных делах, сроки для межгосударственных требований о справедливой компенсации, карательный характер возмещения убытков, присуждаемого в соответствии с Конвенцией в целом и в обстоятельства данного дела и полномочия Суда вынести декларативное решение о прекращении продолжающихся нарушений².

---

1. «штрафные убытки» является предпочтительным выражением в Соединенных Штатах, Канаде и континентальной Европе, в то время как термин «примерные убытки» используется в других странах Содружества; однако они оба относятся к одному и тому же понятию. Под штрафными или примерными убытками понимается установление их в целях искупления деяний правонарушителя и предотвращения повторения противоправного деяния правонарушителем или подражания третьим лицам, не ограничиваясь простым возмещением имущественных и моральных убытков. причиненные истцу, включая упущенную выгоду.

2. На мой взгляд, вопрос о полномочиях Суда присуждать компенсацию в межгосударственных делах должен был быть рассмотрен до вопроса о сроках подачи

Полномочия Суда присуждать справедливую компенсацию по межгосударственным делам

2. Статья 41 Конвенции не препятствует присуждению справедливой компенсации по межгосударственным искам. Более того, правило 46 Регламента Суда совершенно четко устанавливает эту возможность требования возмещения убытков в межгосударственных делах. Тот факт, что правило 60 относится к «его или ее», а не к «его» конвенционным правам, не имеет решающего значения, поскольку это положение, очевидно, является вторичным по отношению к правилу 46, в котором излагается содержание интернационального соглашения.-государственная заявка и, во всяком случае, к самой Конвенции.

3. На предыдущих стадиях этого дела Суд прямо признал такое толкование Конвенции, признав в трех разных официальных заявлениях, что вопрос о справедливой компенсации может быть поставлен государством-истцом в отдельную процедуру после вынесения решения о достоинстве. Эти заявления можно найти в (а) справочной записке Председателя Суда от 10 ноября 1999 г., согласно которой «[одно] слушание должно быть посвящено приемлемости и существу жалобы, ведущей к вынесению одного решения. Это не исключает необходимости организации отдельной процедуры для жалоб по статье 41, если Суд обнаружит нарушение(я) Конвенции по существу»³; (b) указания Суда сторонам от 29 ноября 1999 г., в которых говорится, что «от правительства-заявителя не требуется предъявлять какие-либо требования о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции на данном этапе разбирательства. Дальнейшее производство по этому вопросу будет организовано в зависимости от выводов Суда по существу жалоб»; и (c) само постановление Большой палаты от 10 мая 2001 г., согласно которому Суд «единогласно считает, что вопрос о возможном применении статьи 41 Конвенции не готов для решения, и откладывает его рассмотрение»⁴. Что касается конкретного морального вреда,

---

гражданского иска. Суд должен был сначала решить, имеет ли он полномочия рассматривать иск, и только в этом случае он должен был решить, истек ли срок иска. Юрисдикция *ratione materiae* должна быть установлена до юрисдикции *ratione temporis*. Это простой вопрос логики.

3. Фактически, на встрече 27 октября 1999 года с представителем Кипра и Председателем Суда представитель Турции согласился с тем, что «если Суд установит нарушение(я), потребуется отдельная процедура для рассмотрения претензий по статье 41 Конвенции».

4. Это заявление соответствовало позиции Суда в деле Ирландия против Соединенного Королевства о справедливой компенсации, где говорилось, что «применять [это] не было необходимости». В этом случае правительство Ирландии

понесенного жителями Карпаса, то именно Большая палата предложила правительству-истцу представить «окончательный вариант» своих требований о справедливой компенсации. Ничто не мешало государству-истцу сослаться на новые гражданские иски в своем ответе на предложение Суда, поскольку они касались нарушений, признанных в решении Большой Палаты от 2001 года. Гражданский иск в отношении жителей Карпаса касается нарушений, признанных в решении Большой палаты и, таким образом, входит в компетенцию Большой палаты.

4. Главный аргумент государства-ответчика против приемлемости настоящей жалобы заключался в том, что система Конвенции в принципе не позволяла приносить индивидуальные претензии по статье 41 в межгосударственную жалобу. Эта точка зрения неверна. Заявление Суда о принципе допустимости компенсации в межгосударственных делах соответствует традиционному значению прежней статьи 50 Конвенции как нормы, устанавливающей только межгосударственные обязательства,⁵ а также с правом на дипломатическую защиту, в соответствии с которым любое государство может занимать позицию истца в отношении ущерба, причиненного его гражданам.⁶ Тот факт, что в настоящее время отдельные лица могут посредством индивидуальных заявлений действовать против государства-правонарушителя, не обращаясь за дипломатической защитой своего национального государства, не означает, что дипломатическая защита более недоступна или даже что она утратила свое прежнее значение. Один законный путь не исключает другого. Претензии по статье 33 не направлены исключительно на поддержание общественного порядка в Европе, но могут также одновременно быть направлены на защиту и удовлетворение интересов одного или нескольких граждан государства-заявителя.⁷ На самом деле права, затронутые в иске по статье 41, такие же, как и в иске по статье 33, и решение об использовании последнего лишь отражает больший масштаб

не требовало компенсации для какого-либо лица (см. Ирландия против Соединенного Королевства, 18 января 1978 г., § 245, Серия А, т. 25).

5. См. доклад комитета экспертов, представленный Комитету министров 16 марта 1950 г., в *Travaux Préparatoires of the European Convention on Human Rights*, vol. IV, 1979, с. 44.

6. Статья 19 (с) проектов статей о дипломатической защите (2006 г.) и статья 48 (2) (b) проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (2001 г.), которые включают принцип, уже изложенный в Мавроматисе. Дело о концессиях в Палестине (РСИ, серия А № 2, стр. 12) и недавно подтвержденное дело Ахмаду Садио Диалло (Гвинейская Республика против Демократической Республики Конго) (компенсация), ICJ Reports 2012, p. 344, § 57).

7. Дания против Турции (реш.), нет. 34382/97, 8 июня 1999 г.

предполагаемых нарушений, что, в свою очередь, оправдывает более широкие, а не меньшие полномочия. со стороны Суда.

5. Наконец, Суд был бы лишен важнейшего инструмента для выполнения своей миссии по защите прав человека, если бы он не был уполномочен определять размер ущерба в межгосударственных делах. Таким образом, присуждение возмещения убытков в таких случаях может быть воспринято если не как прямое полномочие, то, по крайней мере, как подразумеваемое полномочие Суда.⁸. В заключение, телеологическое толкование Конвенции подкрепляет вывод, уже сделанный текстуальным, историческим и системным построением как Конвенции, так и Регламента Суда, практикой Суда и соответствующими принципами международного публичного права, установленными в Венской конвенции о права международных договоров и получили дальнейшее развитие в проектах статей о дипломатической защите и проектах статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, а также в международной прецедентной практике.

Сроки для межгосударственных требований о справедливой компенсации

6. Как правило, право государства призвать к ответственности другое государство может быть утрачено в двух случаях: отказ или молчаливое согласие. Точно так же, как государство может прямо отказаться от права ссылаться на ответственность, оно может в силу своего поведения согласиться с утратой права требования. Такое поведение может включать необоснованную задержку между моментом, когда факты, лежащие в основе его иска, произошли или когда они стали ему известны, и моментом предъявления иска.

7. В то время, когда дело было впервые подано в бывшую Комиссию, то есть в 1994 году, ни Конвенция, ни Регламент Суда не устанавливали обязанность предъявлять требования о справедливой компенсации. Более того, международное право в целом не устанавливало в то время и до сих пор не устанавливает конкретных сроков для требований о справедливой компенсации. Соответствующим прецедентом в международном праве является дело Науру против Австралии, где были сделаны два вывода: во-первых, течение времени действительно имеет отношение к вопросу о допустимости межгосударственных требований о справедливой компенсации; а во-вторых, что задержка в двадцать-один год между моментом, когда заявитель может предъявить иск о компенсации, и

---

8. См. о подразумеваемых полномочиях международных судов мое особое мнение по делу Фабрис против Франции [БП], №. 16574/08, ЕСПЧ 2013 г.

моментом предъявления иска, не делает иск неприемлемым⁹. Но сомнительно, что Науру применяет отсрочку судебных разбирательств, которые уже находятся на рассмотрении.¹⁰ Также можно обоснованно утверждать, что Науру не применяется в случае исков, основанных на ситуациях продолжающихся нарушений, таких как насильственные исчезновения и продолжающиеся нарушения конвенционных прав жителей Карпаса.¹¹ Даже если бы Науру было применимо к настоящему делу, настоящее требование было бы приемлемым. В деле Науру соответствующий период времени составлял двадцать один год, тогда как в деле Кипр против Турции этот период намного короче. В Науру между моментом, когда заявитель был в состоянии предъявить иск о компенсации (1968 г.), и моментом официального предъявления иска (1989 г.) прошел двадцать один год.¹² В деле Кипр против Турции прошло девять лет между вынесением Судом решения в 2001 г. и предъявлением иска о справедливой компенсации в отношении пропавших без вести лиц (2010 г.) и всего шесть лет между датой вынесения решения в 2001 г. и датой объявления что эта претензия будет подана (2007 г.)¹³. Что касается жителей Карпаса, период времени, прошедший между постановлением Большой палаты от 2001 г. и жалобой от 21 июня 2012 г., составил одиннадцать лет, но ситуация уже была доведена до сведения Суда двумя годами ранее.¹⁴, что дает общую задержку в девять лет¹⁵.

---

9. Определенные земли фосфатов в Науру, ICJ Reports 1992, §§ 32 и 36.

10. По той же причине *Varnava and Others v. 16073/90*, ECHR 2009) не применяется к настоящему делу. «Варнава и другие» не распространяется на отсрочку подачи требований о справедливой компенсации после того, как решение по существу было принято. Кроме того, в настоящем деле государство-истец не предъявляло никаких требований в отношении девяти заявителей, которым была присуждена компенсация морального вреда в деле "Варнава и другие".

11. Кроме того, Организация Объединенных Наций установила международный стандарт, в соответствии с которым на гражданские иски, связанные с насильственными исчезновениями, не распространяется срок исковой давности (Общий комментарий к статье 19 Декларации Организации Объединенных Наций о защите всех лиц от насильственных исчезновений).

12. Претензия была выдвинута, но не урегулирована, до обретения Науру независимости в 1968 году. Также важно, что в 1983 году президент Науру написал письмо премьер-министру Австралии с просьбой пересмотреть этот вопрос, а до этого инициатива уже поднималась. вопрос дважды с компетентными австралийскими властями.

13. См. письмо кипрского правительства в суд от 31 августа 2007 г. Это письмо прервало течение времени со стороны истца, как и заявления президента Науру.

14. См. письмо правительства Кипра от 25 февраля 2010 г.

15. Науру — не единственный прецедент. В Лагранде немецкие консульские работники узнали о делах Лаграндов в 1992 году, но правительство Германии не выражало обеспокоенности или протеста властям Соединенных Штатов в течение примерно шести с половиной лет. Соединенные Штаты возразили, что запоздалые действия недопустимы. Тем не менее, Международный Суд (МС) принял заявление

8. Более того, существует правдоподобная причина того, что правительству Кипра понадобилось время, чтобы выдвинуть настоящее требование о компенсации, и эта причина, проще говоря, заключается в нежелании турецкого правительства реагировать на запрос Комитета министров. усилия по решению вопроса. Тупик в Комитете министров очевиден с учетом позиции, занятой государством-ответчиком в последние годы, особенно, но не исключительно, после решения Демопулоса и других.¹⁶ Государство-истец шесть лет ждало, пока Комитет министров выполнит свою задачу, чего оно не сделало. Осознав ситуацию, государство-истец обратилось в суд. Государство-истец нельзя критиковать за то, что оно полагалось на систему осуществления Конвенции, которая должна была сработать, но не сработала.

9. Государство-ответчик утверждало, что до подачи иска о справедливой компенсации прошло девять лет, но в то же время утверждало, что новые эксгумации требуют новых заявлений от родственников лиц, признанных умершими. Вопрос о пропавших без вести, по их мнению, должен превратиться в вопрос о погибших, с проведением новых расследований обстоятельств смерти.¹⁷ Эта линия аргументации противоречива: с одной стороны, турецкое правительство критикует иск за его запоздалость, а с другой стороны, утверждает, что в будущем должны быть предъявлены новые иски на основании тех же фактов. *Allegans contraria non est audiendus*¹⁸. Не государство-истец запаздывает с требованием компенсации и прекращением продолжающихся нарушений прав человека. Именно государство-ответчик задерживает полное выполнение решения

(LaGrand (Германия против Соединенных Штатов Америки), решение, ICJ Reports 2001, §§ 53 и 57). В арбитражном деле Гальяферро судья Ральстон постановил, что, несмотря на задержку в тридцать один год, иск был приемлемым, поскольку уведомление о нем было направлено сразу же после причинения вреда (United Nations Reports of International Arbitration Awards (UNRIAA), vol. X, стр. 592). См. также аналогичное решение судьи Пламли по делу Стивенсона (UNRIAA, vol. IX, p. 385). Если МС посчитал, что Науру и ЛаГранд приемлемы, то дело Кипр против Турции тем более приемлемо. Приведенные арбитражные дела подтверждают этот вывод.

16. *Demopoulos and Others v. Turkey* (реш.) [GC], nos. 46113/99, 3843/02, 13751/02, 13466/03, 10200/04, 14163/04, 19993/04 и 21819/04, ECHR 2010. Постановления Комитета министров от 7 июня 2005 г. и 4 апреля 2007 г. не приведет ни к каким положительным сдвигам. Пункт будет расширен на позже в этом мнении.

17. Государство-ответчик сослалось на *Brecknell v. the United Kingdom*, no. 32457/04, 27 ноября 2007 г. Эта прецедентная практика не может быть применена к особому положению жителей Карпаса. Кроме того, чрезвычайная продолжительность процедуры, предложенной государством-ответчиком, вряд ли будет соответствовать эффективной защите прав человека семей пропавших без вести лиц. Такое требование привело бы к ситуации, несовместимой с самой целью Конвенции.

18. Нельзя утверждать что-то в одно время и отрицать в другое. Это принцип добросовестности (статья 26 Венской конвенции о праве международных договоров).

Большой палаты от 2001 года и исправление установленных в нем нарушений прав человека. Турция игнорировала решение Большой палаты в течение тринадцати лет, и это поведение нельзя оправдать. Если бы Суд потворствовал этому, в Европе не было бы верховенства закона, а полномочия Суда были бы лишены всякого практического значения, в данном случае для семей пропавших без вести и для тех греков-киприотов Карпасского района, чьи права по статьям 3, 8, 9, 10 и 13 были нарушены. Процесс надзора за исполнением постановления Большой палаты со стороны Комитета Министров был сорван различными способами и оказался неэффективным. Суд не может добавить отказ в правосудии к бессилию Комитета министров.

10. Государство-ответчик также без особой убежденности утверждало, что от права на компенсацию отказались, если не прямо, то, по крайней мере, подразумеваемым образом, ввиду инертности потерпевших и государства-истца.¹⁹ Но эта линия рассуждений бесполезна. Государство-истец год за годом неустанно стремилось – до сих пор безуспешно – добиваться возмещения ущерба за нарушения прав человека, возникшие в результате вторжения на Кипр, на различных международных форумах, включая Комитет министров, и никогда не выражало намерения отказаться от этого стремления. Кроме того, правительство Кипра не могло отказаться от прав отдельных жертв, которых оно представляет, без согласия последних. И ни сами жертвы, ни их семьи никогда не выражали своего согласия с неспособностью предоставить компенсацию за нарушения прав человека, от которых они так долго страдали.

11. Наконец, в данном деле не существует альтернативных внутренних средств правовой защиты. Demopoulos and Others к данному делу не относится, поскольку относится только к требованиям о возмещении ущерба в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 в отдельных случаях.²⁰ и настоящее дело не относится к таким требованиям. Более того, необходимо повторить, что правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты вообще не применимо к требованиям о справедливой компенсации.²¹

---

19. Статья 45 проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

20. Демопулос и другие, упомянутое выше, § 127.

21. De Wilde, Ooms and Versyp против Бельгии (статья 50), 10 марта 1972 г., § 16, Series A no. 14. Таким образом, довод государства-ответчика о том, что осуществление дипломатической защиты государством-истцом требует исчерпания физическим лицом внутренних средств правовой защиты, не применяется к требованиям о справедливой компенсации.

Карательный характер справедливой компенсации согласно Конвенции

12. По мнению государства-истца, законным наследникам 1 456 пропавших без вести лиц должна быть предоставлена справедливая компенсация.²² и всем киприотам-грекам, проживающим в районе Карпас в период с 1974 года до даты вынесения Большой палатой решения по существу дела в мае 2001 года.²³ Государство-ответчик оспорило эти цифры как просто «гипотетические», утверждая, что количество пропавших без вести лиц могло меняться с течением времени, некоторые из них могли не оставить законных наследников и было просто невозможно идентифицировать всех жителей Карпасского района с 1974 года. Большая палата сочла, что нет необходимости устанавливать точное количество отдельных жертв нарушений прав человека, и установила две единовременные выплаты в пользу каждой из этих групп лиц с обязательством государства-истца распределить денежную сумму, составляют потерпевшие или их законные наследники. На самом деле число пропавших без вести лиц уменьшилось в связи с эксгумациями, проведенными в последние годы, а жертвы в Карпасском районе не идентифицированы и не могут быть идентифицированы исключительно на основании доказательств, содержащихся в деле. Суд даже не требовал, как предлагало государство-истец, чтобы количество жителей Карпаса согласовывалось между сторонами или, при отсутствии соглашения, устанавливалось Председателем Суда «на основании письменных доказательств и представлений в качестве к числу и местонахождению жителей и их наследников». Кроме того, Суд не установил каких-либо критериев, практических механизмов или ставок, регулирующих распределение компенсации между потерпевшими или их законными

---

22. Это число получено из списка из 1493 имен, опубликованного в Официальной газете Кипра 10 июля 2000 г., за вычетом 28 человек, которые после 2000 г. были идентифицированы как киприоты-греки, эксгумированные на территории, находящейся под контролем правительства Кипра, и 9 пропавших без вести. дела которых рассматривались в Варнаве и других (упомянутых выше). Этот номер ранее был представлен Комиссии 7 июля 1998 г. и Суду 30 марта 2000 г. Трехсторонний комитет по пропавшим без вести (киприот-грек, киприот-турок и член МККК, назначенный Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций) также принял список 1493 пропавших без вести. Большая палата прямо не приняла это число, которое не упоминается ни в пункте 58 оценочной части решения Суда, ни в его резолютивной части.

23. С этой целью государство-истец ссылается на доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о количестве проживающих в анклавах греков и киприотов-маронитов на оккупированных территориях, который был впервые представлен Комиссии 1 июня 1998 года. В этом докладе говорится что в августе 1974 года в анклав проживало 20 000 киприотов-греков. Суд не утвердил ни этот номер, ни какой-либо другой.

наследниками в зависимости от их индивидуально отличающихся обстоятельств (например, жен, матерей, детей), и, что наиболее важно, он не налагать какие-либо условия относительно передачи компенсации в случаях, когда потерпевшие и их законные наследники не найдены. В этом случае

13. Карательный характер этой компенсации является вопиющим.²⁴ Несмотря на то, что личность жертв действий и бездействия государства-ответчика и последовавших за ними массовых и грубых нарушений прав человека, совершенных в анклав Карпас, не могла быть установлена, иск о пропавших без вести лицах был бы истечен, если бы поданы индивидуально их соответствующими семьями²⁵ и что не может быть уверенности в том, что полученное возмещение перейдет к соответствующим лицам, Суд наказал государство-ответчика за его незаконные действия и бездействие и их пагубные последствия. Ничего нового в этой процедуре нет. Фактически, практика Суда показывает, что штрафные санкции применялись в семи типах дел.²⁶ Во-первых, Суд распорядился о компенсации без предъявления заявителем каких-либо требований о справедливой компенсации. На основании «абсолютного характера» нарушенного права²⁷, «особо тяжкий характер нарушений»²⁸, «тяжесть нарушений»²⁹, или «фундаментальное значение этого права»³⁰, Суд проявил готовность распорядиться о компенсации за нарушения статей 3 и 5 без предъявления каких-либо требований о возмещении

---

24. Власти-ответчики прекрасно знали об этом возможном результате, который они считали «спекулятивным» (см. пункт 84 своих замечаний от 26 октября 2012 г.).

25. *Varnava and Others*, упомянутое выше, § 170, и *Costas & Thomas Orphanou против Турции* (реш.), по. 43422/04, 1 декабря 2009 г. По словам Варнавы и других, после конца 1990 г. было бы невозможно подавать индивидуальные жалобы в отношении обязательства по процессуальному аспекту статьи 2 Конвенции. Правительство Кипра прямо признало, что в свете «недавно измененных сроков» в деле «Варнава и другие» они должны были предъявить этот межгосударственный иск, чтобы не потерять свои права по статье 41. Поскольку межгосударственная компенсация требование основано на деле, уже рассмотренном по существу, правило шестимесячного срока не применяется (см. сноску 10 выше).

26. См. мое мнение по делу *Trévalet v. Belgium* (справедливая компенсация), №. 30812/07, 25 июня 2013 г. Как я указал в нем, пункт 9 Практической инструкции Суда от 28 марта 2007 г. больше не актуален.

27. *Чембер против России*, нет. 7188/03, § 77, 3 июля 2008 г. (10 000 евро); *X против Хорватии*, нет. 11223/04, § 63, 17 июля 2008 г. (8 000 евро); *Игорь Иванов против России*, нет. 34000/02, § 50, 7 июня 2007 г. (5 000 евро); *Майзит против России*, нет. 63378/00, §§ 87-88, 20 января 2005 г. (3000 евро); и *Назаренко против Украины*, №. 39483/98, § 172, 29 апреля 2003 г. (2000 евро).

28. *Бурсук против Румынии*, нет. 42066/98, § 124, 12 октября 2004 г. (10 000 евро).

29. *Городничев против России*, нет. 52058/99, § 143, 24 мая 2007 г. (10 000 евро).

30. *Rusu против Австрии*, нет. 34082/02, § 62, 2 октября 2008 г. (3000 евро); *Крэбтри против Чешской Республики*, нет. 41116/04, § 60, 25 февраля 2010 г. (2000 евро); и *Худякова против России*, №. 13476/04, § 107, 8 января 2009 г. (5 000 евро).

конкретного ущерба. В других случаях заявитель просит суд о компенсации, но не указывает сумму, и суд выносит решение о том, что он считает справедливым в конкретном случае.³¹ Также бывают случаи, когда заявитель предъявляет требование о справедливой компенсации с указанием конкретной суммы морального вреда, но когда Суд присуждает более высокую сумму.³² Когда Суд присуждает компенсацию в размере, превышающем предполагаемый ущерб, или даже независимо от любого утверждения об ущербе, природа справедливой компенсации уже не компенсационная, а карательная. Неотъемлемая цель этого средства правовой защиты не состоит в том, чтобы поставить потерпевшего в положение, в котором он или она оказались бы, если бы нарушение не имело места, поскольку потерпевшая сторона даже не утверждает, что понесла какой-либо ущерб, или утверждает, что понесла ущерб. меньший ущерб. Таким образом, основной целью этого средства правовой защиты является наказание государства-правонарушителя и предотвращение повторения той же модели противоправных действий или бездействия со стороны государства-ответчика и других Договаривающихся сторон Конвенции. Во-вторых, Суд в некоторых случаях установил «символическое» или «символическое возмещение убытков».³³ с очевидной целью обвинить и опозорить государство-ответчика, тем самым сделав наказание примером для других государств. В-третьих, Суд также присуждал справедливую компенсацию в случаях, когда заявитель жаловался на национальное законодательство, не указывая на какой-либо конкретный личный ущерб, кроме страданий, вызванных существованием самого закона.³⁴ Ясно, что присуждение справедливой компенсации является в таком случае примерным наказанием государства-ответчика за то, что оно приняло законодательные меры, несовместимые с Конвенцией. В-четвертых, Суд вынес решение о справедливой компенсации за «потенциальное нарушение» Конвенции.³⁵ Здесь снова цель справедливой

---

31. Например, *Челик и Улдиц против Турции*, нет. 51479/99, §§ 30-31, 10 ноября 2005 г., и *Давтян против Грузии*, №. 73241/01, § 70, 27 июля 2006 г.

32. Например, *Stradovnik против Словении*, №. 24784/02, §§ 23-25, 13 апреля 2006 г., где Суд присудил 6 400 евро за чрезмерную продолжительность судебного разбирательства, когда заявитель потребовал 5 000 евро.

33. Например, *Engel and Others v. the Netherlands* (статья 50), 23 ноября 1976 г., § 10, Series A no. 22 (100 голландских гульденов) и *Ваней против Франции*, №. 53946/00, § 57, 30 ноября 2004 г. (один евро).

34. Например, в деле *SL против Австрии*, №. 45330/99, § 52, ECHR 2003I, Суд присудил компенсацию морального вреда, несмотря на то, что оспариваемая норма Уголовного кодекса Австрии уже была отменена, и поэтому заявитель «частично достиг цели своей жалобы».

35. Например, *Мокрани против Франции*, №. 52206/99, § 43, 15 июля 2003 г., и *Гюрбюз против Турции*, №. 26050/04, § 75, 10 ноября 2005 г. (см. критическое мнение судей Кафлиш и Тюрмен).

компенсации состоит в осуждении и наказании поведения государства-ответчика, а не в возмещении ущерба, который еще не был нанесен. В-пятых, Суд даже не исключил возможность того, что в результате «потенциальных последствий установленного нарушения» заявитель понес утрату реальных возможностей, которые необходимо учитывать, «несмотря на то, что перспективы реализации было бы сомнительно»³⁶. В этих конкретных случаях справедливая компенсация не компенсирует даже фактический ущерб, причиненный заявителю, поскольку сомнительно, чтобы она когда-либо материализовалась. Суд хочет наказать именно виновное поведение государства-ответчика. В-шестых, Суд иногда даже присуждает компенсацию, несмотря на отсутствие подтверждающих документов и противоречия в заявлениях заявителей относительно заявленных убытков.³⁷ При отсутствии доказательств предполагаемого ущерба решение о возмещении убытков полностью остается на усмотрение суда. В этих обстоятельствах полного отсутствия доказательств и дискреционного присуждения убытков справедливая компенсация имеет неотъемлемый элемент наказания, поскольку она не возмещает доказанный ущерб, который остается спекулятивным, а вместо этого наказывает государство-ответчика за противоправное поведение. В-седьмых, в делах, представляющих общий интерес, Суд определяет справедливую компенсацию с учетом ее показательных последствий.³⁸

14. Таким образом, наличие штрафных или примерных убытков в соответствии с Конвенцией является фактом в практике Суда. Поскольку справедливая компенсация может быть присуждена только в том случае, если внутригосударственный правовой порядок не предусматривает полного возмещения, статья 41 исключает любую компенсацию, превышающую полное возмещение, но «полное» возмещение может быть достигнуто только в том случае и когда необходимость предотвращения и наказания в конкретных обстоятельствах дела также удовлетворены. Только тогда удовлетворение является «справедливым». Компенсация поддающихся количественной оценке убытков может быть недостаточной, и обязательство по полному возмещению ущерба может включать

---

36. Спорронг и Лённрот против Швеции (статья 50), 18 декабря 1984 г., § 25, Серия А №. 88; Бениш против Австрии (статья 50), 2 июня 1986 г., § 11, Серия А №. 103; и Сара Линд Эггертсдоттир против Исландии, №. 31930/04, § 59, 5 июля 2007 г.

37. Например, Barberà, Messegue and Jabardo против Испании (статья 50), 13 июня 1994 г., §§ 18-20, Series A no. 285C, несмотря на то, что решения испанских судов, вынесенные после основного судебного решения, уже предоставили заявителям возмещение морального вреда.

38. Например, Xenides-Arestis против Турции (справедливая компенсация), №. 46347/99, 7 декабря 2006 г., и Ананьев и другие против России, №№ 42525/07 и 60800/08, 10 января 2012 г.

штрафные санкции, выходящие за рамки возмещения материального и морального вреда, причиненного идентифицированным лицам.

15. Штрафные убытки также признаются в международной практике и законодательстве, например, в дипломатической практике.³⁹, арбитражное разбирательство⁴⁰, международная трудовая практика⁴¹, и особенно в международном частном праве, праве Европейского союза и международном праве прав человека. В области международного частного права ни Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г., участниками которой являются 149 договаривающихся сторон, ни Гагская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 1 февраля 1971 г., только с пятью Договаривающимися сторонами, ссылаются на штрафные убытки как на основание для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного или иностранного решения. С другой стороны, статья 29 Монреальской конвенции об унификации некоторых правил международных воздушных перевозок от 28 мая 1999 г., в которой участвуют 105 договаривающихся сторон, предусматривает, что штрафные санкции не подлежат взысканию. Пункт 1 статьи 11 Гагской конвенции о соглашениях о выборе суда от 30 июня 2005 г. предусматривает, что в признании или исполнении судебного решения

---

39. См. ссылки во Втором докладе об ответственности государств г-на Гаэтано Арангио-Руйса, Специального докладчика, A/CN.4/425 и Corr.1 и Add.1 и Corr.1, стр. 35-40, со специальной ссылкой делу *Rainbow Warrior* и постановлению Генерального секретаря от 6 июля 1986 года (UNRIAA, vol. XIX, pp. 197 et seq.).

40. См. *Laura MB Janes et al. (США) против Мексиканских Соединенных Штатов*, 16 ноября 1925 г., UNRIAA, vol. IV, стр. 82-98; дело *Наулилаа (Португалия против Германии)*, 31 июля 1928 г. и 30 июня 1930 г., UNRIAA, vol. II, стр. 1011-77; Дело *СС «Я один» (Канада против США)*, 30 июня 1933 г. и 5 января 1935 г., UNRIAA, vol. III, стр. 1609-1618; и Дело о маяках (Франция против Греции), 24-27 июля 1956 г., UNRIAA, vol. XII, стр. 161-269. Таким образом, не имеет решающего значения то, что в проектах статей об ответственности государств указывается, что цель и объем возмещения ограничиваются мерами по исправлению положения, за исключением штрафных убытков (Комментарий к статьям 36 и 37). Эта точка зрения до сих пор следует консервативному мнению, выраженному в устаревших делах Лузитании, согласно которому: «средство правовой защиты должно быть соразмерно ущербу, так что пострадавшая сторона может быть выздоровела» (Заключение по делам Лузитании, 1 ноября 1923 г., UNRIAA, том VII, стр. 32-44). Некоторые современные типовые двусторонние инвестиционные договоры специально отвергают штрафные санкции (см. статью 34 § 3 Типового ДИД США 2012 г. и статью 44 § 3 Типового ДИД Канады 2004 г.), что косвенно показывает, что они были бы применены, если бы не были Исключенный. Так обстоит дело в большинстве этих договоров.

41. В решении по делу *Блуске против ВОИС* от 13 июля 1994 г. Административный трибунал Международной организации труда обязал организацию-ответчика выплатить истцу сумму в размере 10 000 швейцарских франков «в качестве штрафа за каждый последующий месяц просрочки» при выполнении своих обязательств.

может быть отказано, если и в той мере, в какой оно присуждает штрафные убытки, но настоящая Конвенция была подписана только Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки и Мексики и еще не вступила в силу. Кроме того, это положение не связано с положением о публичном порядке, содержащимся в статье 9 (е), которое запрещает использование этого положения для отказа в признании присуждения штрафных убытков. Статья 74 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. с 80 договаривающимися сторонами,⁴².

16. В Европейском Союзе было признано дополнительное-компенсационных целей гражданской ответственности и, следовательно, законности штрафных санкций, когда они не являются чрезмерными. Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, применимом к-договорных обязательств (Рим II) говорится, что «применение положения закона, указанного в настоящем Регламенте, которое могло бы привести к-компенсационные примерные или штрафные убытки чрезмерного характера, которые должны быть присуждены, могут, в зависимости от обстоятельств дела и правового порядка государства-члена, в котором рассматривался суд, рассматриваться как противоречащие публичному порядку (*ordre public*) суда. ». Тем не менее уместно отметить, что в положении статьи 24 предложения Регламента Рим II (СОМ (2003) 427) говорится, что «применение положения закона, указанного в настоящем Регламенте, которое приводит к-компенсационные убытки, такие как примерные или штрафные убытки, которые должны быть присуждены, должны противоречить публичному порядку Сообщества». С новой формулировкой пропорциональные штрафные убытки были включены в законодательство Европейского Союза.⁴³ Кроме того, нлибо

---

42. Тем не менее Сборник прецедентного права ЮНСИТРАЛ по Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров, издание 2012 г., стр. 346, утверждает, что «внутреннее право может также применяться к таким вопросам, как штрафные санкции. В одном случае суд, по-видимому, признал обоснованность иска о штрафных убытках в контексте иска о возмещении убытков по КМКПТ, хотя вопрос об определении суммы убытков остался открытым».

43. В некоторых правовых областях Союза, таких как регулирование сельскохозяйственных рынков и рынков ценных бумаг, проводилась политика явно карательных гражданских исков, например, в статье 18 Регламента №. 1768/95 (со ссылкой на «особые гражданско-правовые требования») или в статье 28 Директивы 2004/109/ЕС (со ссылкой на «гражданские и/или административные санкции»). Эта тенденция была поддержана Судом как в делах *Von Colson and Kamann против Land Nordrhein Westfalen*, дело C-14/83, так и в деле *Harz против Deutsche Tradax GmbH*, дело C.-79/83, где Суд постановил, что компенсация должна быть достаточной, чтобы действовать как сдерживающий фактор против дискриминации по признаку

Регламент Совета (ЕС) № 44/2001 от 22 декабря 2000 г. о юрисдикции и признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам, либо Регламент Совета (ЕС) № 2201/2003 от 27 ноября 2003 г. о юрисдикции и признании и приведении в исполнение судебных решений по супружеским делам и вопросам родительской ответственности относится к штрафным убыткам как основанию для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения.

17.В Совете Европы Комитет министров отметил, что «установление простого компенсационного или ускоряющего средства правовой защиты может быть недостаточным для обеспечения быстрого и полного соблюдения обязательств по Конвенции, и ... необходимо изучить дополнительные возможности, например, через комбинированное воздействие различных внутренних средств правовой защиты (штрафные санкции, неустойка, недостаточная возможность ареста государственного имущества и т. д.) при условии, что их доступность, достаточность и эффективность на практике убедительно установлены»⁴⁴. Эта четкая позиция в пользу штрафных санкций со стороны высшего политического органа Совета Европы не была единичным случаем.⁴⁵ В Интере-Мнения американской системы защиты прав человека по-прежнему расходятся. В то время как Межамериканская комиссия высказалась в пользу штрафных санкций или, по крайней мере, карательной цели компенсации, Межамериканский суд изначально занимал более сдержанную позицию.⁴⁶ Совсем недавно, в деле *Мирны Мак Чанг*,

---

пола в сфере занятости. В деле *Manfredi v. Lloyd Adriatico Assicurazioni SpA* и других, объединенных делах C295/04 и C-298/04, Суд пошел еще дальше, установив, что в соответствии с принципом эквивалентности национальные суды могут присуждать штрафные санкции за нарушения антимонопольного законодательства Европейского Союза, если и когда такие убытки также могут быть возмещены за нарушение национального законодательства. Комиссия положительно оценила эту прецедентную практику, например, в Белой книге по искам о возмещении ущерба за нарушение антимонопольных правил Европейского Союза, 2008 г., § 2.5.

44. Временная резолюция CM/ResDH(2008)1 от 6 марта 2008 г.

45. Например, в Пояснительном докладе к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174, § 36) отмечается, что государства-участники, внутреннее законодательство которых предусматривает штрафные санкции, не обязаны исключать их применение в дополнение к полной компенсации. В области социальных прав Европейский комитет по социальным правам следит за соблюдением требования о том, чтобы возмещение ущерба на практике оказывало достаточное сдерживающее воздействие для предотвращения нарушений в будущем (Второй отчет, представленный правительством Венгрии, охватывающий период с 1 января 2007 г. по 31 декабря 2007 г.). 2010, стр. 83).

46. *Веласкес Родригес против Гондураса* (возмещение ущерба и издержки), решение от 21 июля 1989 г., § 38; *Годинес Крус против Гондураса* (возмещение ущерба и издержки), решение от 21 июля 1989 г., § 36; и *Гарридо и Байгорриа против Аргентины* (возмещение ущерба и расходы), решение от 27 августа 1998 г., §§ 43-44.

Межамериканский суд приблизился к позиции Комиссии, распорядившись о выплате компенсации при отягчающих обстоятельствах на основании крайней серьезности поведения ответчика.⁴⁷

18. Подводя итог, можно сказать, что Суд был в авангарде международной тенденции, используя справедливую компенсацию для предотвращения дальнейших нарушений прав человека и наказания правительств-правонарушителей. Признание штрафных или примерных убытков в соответствии с Конвенцией необходимо, по крайней мере, в трех случаях: (1) грубые нарушения прав человека, охраняемых Конвенцией или Дополнительными протоколами, особенно когда имеют место множественные нарушения одновременно, повторные нарушения в течение значительный период времени или единичное продолжающееся нарушение в течение значительного периода времени⁴⁸; (2) длительное умышленное неисполнение решения Суда, вынесенного в отношении непокорной Договаривающейся Стороны⁴⁹; и (3) серьезное ущемление или угроза такого прав человека заявителя с целью избежать, ущемить или ограничить его или ее доступ к Суду, а также доступ Суда к заявителю.⁵⁰ Во всех этих трех случаях основной предпосылкой для возмещения штрафных убытков является не только наличие причинно-следственной связи между противоправным поведением и причинением вреда, но и намерение или неосторожность (грубая небрежность) государства-правонарушителя, то есть его органов и агентов. Следовательно, юридический и моральный авторитет Суда, а также практическая состоятельность всей европейской системы защиты прав человека здесь особенно важны. Серьезность таких

---

47. Мирна Мак Чанг против Гватемалы (существо дела, возмещение ущерба и издержки), решение от 25 ноября 2003 г., §§ 246-86, и особенно особое мнение судьи Кансадо Триндаде.

48. Например, убийство политического оппонента или закрытие критически важного телеканала может оправдать такие штрафные санкции.

49. Например, длительное безразличие государства-участника к решению Суда, который признал его нарушением Конвенции, несмотря на неоднократные усилия Комитета министров и потерпевшей стороны добиться исполнения этого решения. Штрафные убытки могут быть присуждены в ходе судебного разбирательства, инициированного самим Комитетом министров в соответствии с его новыми полномочиями, изложенными в статье 46 Конвенции, или в судебном разбирательстве о несоблюдении, инициированном потерпевшей стороной (см. мое отдельное мнение по делу *Fabris*, упомянутое выше).

50. Серьезность некоторых тактик, использованных для того, чтобы заставить заявителя замолчать, таких как прямая или косвенная угроза его жизни или жизни его близких или возбуждение произвольного уголовного дела против заявителя, может потребовать штрафных санкций. Этот принцип был установлен в деле *Oferta Plus SRL против Молдовы* (справедливая компенсация), №. 14385/04, § 76, 12 февраля 2008 г.

нарушений затрагивает интересы всех Договаривающихся сторон Конвенции, Совета Европы как института и Европы в целом. В свете статьи 26 Венской конвенции о праве международных договоров принцип государственного суверенитета не может использоваться для оправдания таких грубых правонарушений.⁵¹ В то время как между суверенными государствами вопрос о праве налагать наказания носит политический, а не юридический характер, между странами, связанными договором о правах человека, таким как Конвенция, который наделяет правами физических и юридических лиц и налагает негативные и позитивные обязательства Договаривающихся сторон, подлежащие исполнению международным судом посредством обязательных постановлений. В этих рамках справедливая компенсация посредством штрафных убытков не влечет за собой санкции, применяемой одним государством против другого, а вместо этого соответствует авторитетному и обязательному ответу международного суда государству-правонарушителю. Тогда Суд выступает от имени всех Договаривающихся сторон, выступая в качестве окончательного защитника Европы, основанной на верховенстве закона и верной правам человека. Игнорирование необходимости такой реакции, в свою очередь, побудило бы государства, особенно самые могущественные, предположить, что нарушения прав человека можно легко компенсировать простой денежной компенсацией. При этом при определении штрафных убытков суд действует в пределах, установленных принципом соразмерности, и с полным учетом таких факторов, как объективная тяжесть противоправного деяния, степень предосудительности умысла или неосторожности правонарушителя, степень ущерба, причиненный заявителю и третьим лицам, последующую выгоду, полученную правонарушителем и третьими лицами, и вероятность неисполнения нарушенного права. предположить, что нарушения прав человека можно легко компенсировать простой денежной компенсацией. При этом при определении штрафных убытков суд действует в пределах, установленных принципом соразмерности, и с полным учетом таких факторов, как объективная тяжесть противоправного деяния, степень предосудительности умысла или неосторожности правонарушителя, степень ущерба, причиненный заявителю и третьим лицам,

---

51. X. Лаутерпахт, «Общие правила права мира», в *Recueil des Cours*, 1937-IV, vol. 62, с. 350: «Нарушение международного права может быть таким, что в интересах справедливости требуется выражение неодобрения, выходящее за рамки материального возмещения. Ограничить ответственность государства за *restitutio in integrum* означало бы отменить уголовное право и большую часть деликтного права. Упразднение этих аспектов ответственности между государствами означало бы принятие на основании суверенитета принципа, который противоречит справедливости и влечет за собой поощрение противоправных действий».

последующую выгоду, полученную правонарушителем и третьими лицами, и вероятность неисполнения нарушенного права. предположить, что нарушения прав человека можно легко компенсировать простой денежной компенсацией. При этом при определении штрафных убытков суд действует в пределах, установленных принципом соразмерности, и с полным учетом таких факторов, как объективная тяжесть противоправного деяния, степень предосудительности умысла или неосторожности правонарушителя, степень ущерба, причиненный заявителю и третьим лицам, последующую выгоду, полученную правонарушителем и третьими лицами, и вероятность неисполнения нарушенного права.

19. Таким образом, штрафные санкции являются подходящим и необходимым инструментом для выполнения миссии Суда по защите прав человека в Европе и обеспечению соблюдения обязательств, взятых на себя Договаривающимися сторонами в рамках Конвенции и Протоколов к ней (статья 19 Конвенции). Этот вывод в еще большей степени применим к рассматриваемому делу, когда государство-ответчик не только совершило множество грубых нарушений прав человека в течение значительного периода времени на севере Кипра, но и не расследовало наиболее серьезные из этих нарушений должным образом и в полном объеме. своевременно, но также преднамеренно не выполнял из года в год решение Большой палаты по существу, вынесенное давным-давно в отношении этих конкретных нарушений.

Полномочия Суда выносить декларативное решение о прекращении продолжающихся нарушений

20. Государство-истец в представлении от 25 ноября 2011 г. просило Суд вынести декларативное решение о прекращении (оно использовало слова «воздержание от») продолжающихся нарушений прав человека после решения Большой палаты от 2001 г. и о неуместность решения Демопулоса и других для исполнения обязательства, вытекающего из статьи 46⁵². Таким образом, запрос государства-истца имеет двоякое значение: хотя прекращение противоправного деяния связано с исполнением в будущем

---

52. Этот вопрос поднимался уже в письме кипрского правительства в суд от 31 августа 2007 г., где говорилось о необходимости применения статьи 41, если процесс надзора за исполнением решения Большой палаты от 2001 г. министров были сорваны. Это сообщение было повторено в письме того же правительства в Суд от 25 февраля 2010 г. В своих представлениях от 25 ноября 2011 г. государство-истец пояснило, что оно требовало, чтобы «в ответ на вывод Суда о продолжающейся государственной политике и практике в настоящего дела», Турция должна была полностью подчиниться решению по существу и положить конец поведению, признанному нарушающим Конвенцию, и избежать его повторения в будущем.

международного обязательства, вытекающего из решения по существу дела Кипр против Турции, толкование решения Демопулоса и других связано с выполнением то же самое юридическое обязательство в прошлом. Суд пришел к выводу, что он правомочен рассмотреть и удовлетворить эту просьбу, но не счел необходимым обосновывать, почему он правомочен. Есть очень веские причины, чтобы оправдать эту компетенцию, как в принципе, так и в конкретных обстоятельствах данного дела.⁵³

21. В принципе любое государство, имеющее право призвать к ответственности, может потребовать от ответственного государства прекращения международно-противоправного деяния.⁵⁴ Таким образом, государство-истец может запросить, в соответствии со статьей 41 Конвенции, декларативное решение о том, что продолжающееся нарушение должно быть прекращено, особенно, но не исключительно, когда продолжающееся нарушение прав человека нарушает решения Суда, которые уже вступили в законную силу. Справедливая компенсация затем предоставляется посредством соответствующего декларативного средства судебной защиты для разъяснения последствий постановлений Суда в свете продолжающейся незаконной практики. Телеологическое толкование статьи 41 Конвенции налагает такие полномочия. Полномочия объявить о прекращении продолжающегося нарушения прав человека логически подразумеваются в праве установить наличие самого нарушения прав человека и назначить компенсацию за него. Предоставление компенсации в качестве средства правовой защиты от нарушения прав человека не следует путать с обязанностью государств не совершать и положить конец нарушениям Конвенции. В противном случае европейская система защиты прав человека была бы несовершенной, поскольку государства могли бы безнаказанно совершать нарушения, если они выплачивали компенсацию жертвам нарушений после совершения противоправных действий. Как Комиссия заявила в ряде случаев, «государство [не может] уклониться от своих обязательств, просто выплатив компенсацию».⁵⁵ Такое толкование мошенническим образом лишило бы Конвенцию ее *effet utile*.

---

53. Полномочия Суда интерпретировать свои собственные решения неоспоримы даже по просьбе потерпевшей стороны (см. мое отдельное мнение по делу *Fabris*, упомянутое выше). В настоящем межгосударственном деле Суд идет еще дальше и признает свою компетенцию толковать свое решение Демопулоса и других по запросу государства гражданства потерпевших.

54. Статья 48(2)(а) Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (2001 г.).

55. Например, *Андерсен против Дании*, №. 12860/87, решение Комиссии от 3 мая 1988 г., о котором не сообщалось, и *Frederiksen and Others v. 12719/87*, решение Комиссии от 3 мая 1988 г., Решения и отчеты 56.

22. Кроме того, декларативное решение очень необходимо в конкретных обстоятельствах этого дела. Запрос касается продолжающегося нарушения решения Большой палаты от 2001 г., по крайней мере, до ноября 2011 г., и, следовательно, находится в компетенции этой Большой палаты. Требование государства-истца основано на неоспоримых фактах. Не оспаривается, что Совет министров «ТРСК» распоряжался землей и имуществом, принадлежащим киприотам-грекам, по крайней мере, до ноября 2011 года.⁵⁶ На самом деле, эти продолжающиеся нарушения не прекратились в силу принятия Закона «ТРСК» № 67/2005.⁵⁷, поскольку незаконная продажа и эксплуатация греческих-Кипрская собственность и дома в оккупированной части Кипра при активном содействии Турции сохранялись после вступления в силу этого закона, создавая ситуацию, которую будет трудно, если не невозможно исправить постфактум. Кроме того, ни Комиссия по недвижимому имуществу, ни суды в «ТРСК» не имеют полномочий положить конец этой продолжающейся незаконной практике.⁵⁸ Столкнувшись с этой серьезной ситуацией, Комитет министров до сих пор не мог прийти к общей позиции. Более того, он даже не смог получить информацию, которую запрашивал несколько раз, о продолжающихся неправомерных действиях Турции на севере Кипра. Ситуацию усугублял тот факт, что Комитет министров оказался парализован серьезной тупиковой ситуацией в отношении смысла и последствий решения Демопулоса и других в отношении вопроса о владениях перемещенных киприотов-греков на севере Кипра и других дополнительных требований. В сентябре 2010 года Генеральное управление по правам человека и правовым вопросам заявило

---

56. См. официальные документы властей «ТРСК» в приложении С к заявлению Кипра от 25 ноября 2011 г. и материалы кипрско-турецкой и турецкой прессы в приложении D, а также сообщения о незаконной застройке и строительстве на оккупированной территории Кипра в приложениях А и В.

57. Закон о компенсации, обмене и реституции недвижимого имущества, подпадающего под действие подпункта (b) пункта 1 статьи 159 Конституции, с поправками, внесенными Законом № 59/2006 и 85/2007 (далее «Закон 67/2005»).

58. В соответствии со статьей 8 Закона ТРСК № 67/2005 Комиссия может вернуть недвижимое имущество грекам-киприотам, если право собственности или пользование этим имуществом не было передано какому-либо физическому или юридическому лицу, кроме государства. Но эта реституция обусловливается тем, что она не будет угрожать «национальной безопасности и общественному порядку», не выделена «по соображениям общественного интереса» и находится за пределами военных районов или военных объектов. Другое недвижимое имущество может быть реституировано при условии, что оно не было выделено в «целях общественного интереса или социальной справедливости». Очевидно, что с такими ограниченными полномочиями постфактум Комиссия сама по себе не способна предотвратить любую продажу собственности или ее эксплуатацию, не говоря уже о том, чтобы положить конец продолжающемуся нарушению.

следующее: «Из выводов Большой палаты в решении Демопулоса и других следует, что для исполнения рассматриваемых дел не требуется никаких дополнительных мер, касающихся, во-первых,⁵⁹Этой позиции не поддержал Комитет министров, поскольку исполнение постановления Суда от 2001 года по существу было и остается в этом отношении весьма далеким от завершения. Что еще хуже, Турция отказалась от всякого сотрудничества в процессе надзора за решением Комитета министров Большой палаты от 2001 года «относительно всех дел, связанных с Кипром», до тех пор, пока Комитет не прекратил надзор за исполнением выводов Суда, касающихся нарушений прав собственности и домов.⁶⁰ Таким образом, турецкое правительство использует решение Демопулоса и других, чтобы полностью заблокировать исполнение решения Большой палаты по делу Кипр против Турции от 2001 года, в том числе в отношении исков, не связанных с нарушением прав собственности и домов.

23. Суд должен был вмешаться для обеспечения правовой определенности и защиты своего собственного авторитета. За Судом, и только за Судом, остается последнее слово в толковании решения Демопулоса и других, следовательно, он разрешает этот спор таким образом, чтобы уменьшить вероятность будущих конфликтов между сторонами, соблюдая при этом верховенство права и обеспечивая полное исполнение решения по существу дела Кипр против Турции. Ответ Суда на запрос государства-истца предельно ясен: Суд не постановил в деле Demopoulos and Others, что обязательства Турции в соответствии со статьей 46 по исполнению решения Большой палаты от 2001 года были выполнены, а также Суд не постановил, что продолжающиеся нарушения, обнаруженные Большая палата в своем решении по существу прекратила свое действие в силу вступления в силу Закона 67/2005, и это для простых, но очевидна причина того, что Демопулос и другие касались только внутренних средств правовой защиты в отношении нарушений статьи 1 Протокола № 1 в отдельных случаях. Недвусмысленно говоря, решение Демопулоса и других не

---

59. CM/inf/DH (2010)36. Как поясняется в тексте, эта позиция основывалась на юридических и фактических ошибках. Путаница между правилом о внутренних средствах правовой защиты в соответствии со статьей 35 Конвенции и обязательством государств соблюдать и выполнять судебные решения в соответствии со статьей 46 нанесла ущерб заявлению. Кроме того, факты на местах показали, что на оккупированной территории продолжают совершаться серьезные нарушения прав собственности киприотов-греков.

60. «Поэтому до тех пор, пока не будут приняты решения о закрытии, турецкая делегация не будет принимать участие в каких-либо обсуждениях, процедурных или по существу, касающихся всех дел, связанных с Кипром». Это заявление было сделано в письме правительства Турции Комитету министров от 12 сентября 2011 года, на что правительство Кипра отреагировало своим письмом на имя председателя заместителей министра от 2 декабря 2011 года.

нарушило право государства-истца на полное выполнение решения Большой палаты от 2001 года, включая немедленное прекращение продолжающегося незаконного распоряжения (включая продажу, аренду, использование или любые другие способы эксплуатации) земли и собственности киприотов-греков на севере Кипра властями «ГРСК» при содействии турецкого государства. Это не просто заявление о толковании предыдущего решения Суда. Намерение Суда идет гораздо дальше. Это также является признанием существования ситуации невыполнения решения Большой палаты от 2001 г.,⁶¹.

Заключение

24. Ведь за несправедливую войну и ее трагические последствия в Европе есть наказание. Это наказание может применяться в межгосударственных делах в суде, который правомочен определять размер штрафных убытков в особо серьезных случаях нарушения прав человека. Так было и здесь. Государство-ответчик несет ответственность за затянувшиеся поиски пропавших без вести и продолжительные страдания и унижения киприотов-греков с момента вторжения на северный Кипр, и оно осталось глухим к неоднократным призывам Комитета министров к полному выполнению решения Суда. относительно этих нарушений. Как однажды выразился Блэкстоун, штрафные санкции больше всего нужны в тех случаях, когда создатели серьезных неприятностей не устраняют эти неприятности после первоначального приговора против них.⁶².

---

61. На мой взгляд, заявление Суда должно было быть включено в резолютивную часть решения ради правовой определенности и ясности решения. В любом случае юридическая сила декларативного решения Суда не ставится под угрозу. Настоящее решение не может быть правомерно истолковано таким образом, чтобы обмануть явное намерение Суда сделать авторитетное заявление о последствиях Демопулоса и других, как того требует государство-истец. В так называемых «квазипилотных решениях» в мотивировке содержатся установки, которые впоследствии не упоминаются в резолютивной части. Тем не менее, эти директивы являются обязательными. Этот метод был использован и в настоящем решении.

62. Комментарии к законам Англии 1768 г., книга 3, глава 13.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ
ТУЛКЕНСА, ВАИЧА, РАЙМОНДИ И БИАНКУ, К
КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ
СУДЬЯ КАРАКАШ

(Перевод)

1. Мы проголосовали большинством и, таким образом, согласны со всеми пунктами постановляющей части этого важного постановления.¹

2. Причина, по которой мы вынуждены выразить особое мнение, связана исключительно с одним конкретным аспектом, а именно с замечаниями, которые мы не можем поддержать, содержащимися в последнем предложении пункта 63 решения. Этот параграф касается запроса, сделанного Правительством Кипра 25 ноября 2011 года в ходе разбирательства, которое, хотя и озаглавлено «Ходатайство о справедливой компенсации (статья 41)», на самом деле относится к процедуре исполнения основного решения Комитета министров Совета Европы и просит Суд предпринять определенные шаги, чтобы облегчить исполнение этого решения (см. пункт 8 настоящего решения).

3. В пункте 63 решения Суд излагает некоторые принципы, касающиеся исполнения его решений, с которыми мы полностью согласны. В нем, в частности, говорится, что «государство-ответчик в любом случае формально связано соответствующими положениями основного постановления» и, соответственно, что «нет необходимости рассматривать вопрос о том, обладает ли [Суд] компетенцией в соответствии с Конвенцией вынести «декларативное решение» в порядке, требуемом Правительством-заявителем...». Он «отмечает в этой связи, что Суд постановил, что имело место продолжающееся нарушение статьи 1 Протокола № 1 в силу того факта, что кипрско-греческим владельцам собственности на севере Кипра отказано в доступе и распоряжаться, пользоваться и пользоваться своим имуществом, а также любую компенсацию за вмешательство в их имущественные права (раздел III, пункт 4 постановляющей части основного судебного решения)». Соответственно, Суд приходит к выводу, что «... на Комитет министров возлагается ответственность за то, чтобы это заключение, имеющее обязательную силу в соответствии с Конвенцией и которое еще не было выполнено, полностью применялось ответчиком. Правительство».

---

1. За исключением судьи Каракаша, который присоединяется к нам в этом мнении.

4. Последующее заявление Суда, согласно которому «[та]кое соблюдение не может... соответствовать любому возможному разрешению, участию, молчаливому согласию или другой форме соучастия в любой незаконной продаже или эксплуатации домов и собственности киприотов-греков в северной части Кипра», и который в основном лишь повторяет изречение основного решения по этому вопросу, не вызывает особых затруднений, хотя это повторение можно было бы назвать совершенно излишним в свете цели решения по статье 41.

5. Предложение, которое вызывает у нас затруднение, звучит следующим образом: «Кроме того, решение Суда по делу Демопулоса и других... о том, что дела, представленные отдельными лицами в отношении жалоб на нарушение исчерпание внутренних средств правовой защиты, не может рассматриваться само по себе для решения вопроса о соблюдении Турцией части III постановляющей части основного судебного решения по межгосударственному делу».

6. На наш взгляд, такое заявление – даже если оно не содержится в положениях постановляющей части – направлено на расширение полномочий Суда и противоречит статье 46 § 2 Конвенции, посягая на полномочия Комитета министров. Совета Европы, на которую Конвенция возложила задачу надзора за исполнением постановлений Суда.

7. Суд не обладает юрисдикцией проверять, выполнила ли Договаривающаяся сторона обязательства, возложенные на нее одним из постановлений Суда (см. *Oberschlick v. Austria*, №№ 19255/92 и 21655/93, решение Комиссии от 16 мая 1995 г., Решения и отчеты 81-А, стр. 5, и *Мехеми против Франции* (№ 2), № 53470/99, § 43, ECHR 2003IV).

8. Действительно, действующая редакция статьи 46 Конвенции с поправками, внесенными Протоколом № 14, позволяет Комитету министров передавать дело в Суд в двух случаях: во-первых, когда надзор за исполнением вступившему в законную силу судебному решению препятствует проблема толкования судебного решения, чтобы Суд мог вынести решение по вопросу о толковании (§ 3); и, во-вторых, когда Комитет министров считает, что Высокая Договаривающаяся Сторона отказывается выполнять окончательное решение по делу, стороной которого она является (§ 4). Однако в обоих случаях Комитет министров должен был принять решение о передаче квалифицированным большинством в две трети представителей, имеющих право заседать в Комитете.

9. Ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не вправе передавать дело в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 46 Конвенции непосредственно в Суд без прохождения процедуры, изложенной в этих положениях. Допущение такой возможности, как представляется

в постановлении, чревато возникновением дисбаланса в распределении полномочий между двумя институтами, который предусматривали авторы Конвенции.

10. Конечно, как постановил Суд, например, в своем решении по делу Verein gegen Tierfabriken Schweiz (VgT) против Швейцарии (№ 2) ([GC], № 32772/02, § 67, ECHR 2009), он не может Следует сказать, что полномочия, возложенные на Комитет министров статьей 46, нарушаются в тех случаях, когда Суду приходится иметь дело с соответствующей новой информацией в контексте нового заявления, особенно когда Комитет министров прекратил надзор за исполнением решение суда посредством окончательного решения.

11. Тем не менее ясно, что в данном случае это не так, что объясняет, почему мы не можем подписаться под последним предложением пункта 63 решения.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КАСАДЕВАЛЬ

(Перевод)

1. «Принимая во внимание особый характер статьи 41 как *lex specialis* по отношению к... нормам и принципам международного права», как выразилось большинство (см. пункт 42 постановления), я отношусь к считают, что в принципе правило справедливого удовлетворения не должно применяться к межгосударственным делам. Можно было бы также утверждать обратное и сказать, что в принципе применимо, а затем приступить, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела и, в частности, идентификацию потерпевшего (лица, а не государства), определить уместность справедливой компенсации в каждом конкретном случае. На сегодняшний день, насколько мне известно, Суд никогда прямо не заявлял, что правило справедливого удовлетворения применяется к межгосударственным делам. С другой стороны, он не заявил, что это не так.

2. Хотя и с большими колебаниями, учитывая различные факторы, возникшие в данном деле между 10 мая 2001 г. (дата вынесения решения по существу) и 18 июня 2012 г. (дата последних возражений, представленных Правительством-заявителем), и, не вдаваясь в процессуальные детали, я проголосовал за то, чтобы признать статью 41 применимой в отношении пропавших без вести лиц, идентифицированных поименно. Однако я голосовал против применения этого положения в отношении анклавных жителей полуострова Карпас, личность которых не установлена. В межгосударственных делах необходимо проводить различие между двумя совершенно разными ситуациями, обе из которых присутствуют в данном случае.

3. Первая ситуация – это когда государство-заявитель жалуется на нарушение определенных основных прав одного или нескольких своих граждан – лиц, которые идентифицированы и названы – другой Договаривающейся стороной (см. дела *Austria v. Italy*, № 788). /60, решение Комиссии от 11 января 1961 г., Ежегодник 6, и *Дания против Турции*, № 34382/97, 5 апреля 2000 г.). В настоящем деле это 1 456 пропавших без вести лиц, имена которых были названы государством-заявителем в самом начале рассмотрения дела. Здесь мы очень близки к классическому сценарию, и представляется разумным сказать, что целью является прежде всего защита индивидуальных прав и законных интересов заинтересованных лиц. Соответственно, мы можем заключить, что применимо правило справедливого удовлетворения,

4. Вторая ситуация (см. пункт 44 постановления) – это когда государство-заявитель жалуется по существу и в общих чертах на системные проблемы и недостатки или административную практику в другой Договаривающейся стороне, даже если рассматриваемое государство может также преследовать свои собственные явные политические интересы (см. «Дело Греции», №№ 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3344/67, отчет Комиссии от 5 ноября 1969 г., Ежегодник 12). В настоящем деле это означает жителей анклава полуострова Карпас, которые абстрактно определены Правительством-заявителем, лиц, которые должны быть идентифицированы и перечислены постфактум через одиннадцать лет после вынесения решения по существу. В пункте 43 постановления сделана ссылка на вопрос, «могут ли быть идентифицированы потерпевшие от нарушений, а также основная цель возбуждения дела, насколько это можно усмотреть из первоначального обращения в Суд». В этой второй ситуации, на мой взгляд, следует сделать вывод, что статья 41 неприменима.

5. Проголосовав за то, чтобы применить правило справедливого удовлетворения к 1456 пропавшим без вести лицам и не обращая внимания на практические трудности точной идентификации бенефициаров (детей, родителей, наследников), задача, которая ложится на государство-заявителя, Я считаю, что было бы уместно присудить индивидуальную сумму – из расчета на душу населения – каждой из жертв (по аналогии с решением по делу Варнава и другие против Турции [БП], №№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, ЕСЧР 2009), вместо присуждения единовременной суммы кипрскому государству без указания каких-либо критериев для распределения. Реальность такова, что на практике все суммы, присужденные Судом на сегодняшний день в качестве справедливой компенсации, были присуждены непосредственно отдельным заявителям (см. пункт 42 *in fine* решения).

6. Проголосовав против признания статьи 41 применимой в отношении проживающих в анклавной территории жителей полуострова Карпас, я также проголосовал против единовременной выплаты, присуждаемой большинством голосов. Если вероятны многочисленные трудности при предоставлении компенсации (в течение восемнадцати месяцев) наследникам 1456 пропавших без вести, я с ужасом думаю о сложностях, которые неизбежно возникнут при идентификации и составлении списков тысяч перемещенных лиц. Наблюдение за исполнением этого решения будет непростой задачей.

7. В заключение я хотел бы подчеркнуть, что я разделяю точку зрения, выраженную моими коллегами в их совпадающем мнении, приложенном к настоящему постановлению, в отношении последнего предложения пункта 63 постановления.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КАРАКАША

(Перевод)

Я не могу согласиться с большинством относительно:

(а) вывод о том, что по прошествии времени после вынесения основного судебного решения 10 мая 2001 г. требования государства-заявителя о справедливой компенсации не стали неприемлемыми;

(b) применимость статьи 41 в настоящем деле в отношении пропавших без вести лиц;

(c) применимость статьи 41 в настоящем деле в отношении проживающих в анклав Киприотов-греков на полуострове Карпас, и

(d) суммы, присужденные в качестве справедливой компенсации.

А. Фактор времени

Решение Большой палаты по существу дела Кипр против Турции ([GC], № 25781/94, ECHR 2001IV) было вынесено 10 мая 2001 г. В резолютивной части этого решения Суд единогласно постановил, что «вопрос о возможное применение статьи 41 Конвенции не готово к принятию решения и откладывает его рассмотрение». Этот вопрос поднимается только в положениях постановляющей части; в тексте решения на него не делается никаких ссылок, в отличие от дела Ирландия против Соединенного Королевства (18 января 1978 г., Серия А, т. 25), где Суд ясно объяснил, почему он не применил статью 50 (в деле в этом случае правительство Ирландии не требовало компенсации ни одному лицу).

Во всех делах, находящихся на его рассмотрении, Суд может зарезервировать/отложить рассмотрение вопроса о справедливой компенсации только в том случае, если стороны подали просьбу об этом в течение отведенного времени.

В данном случае Правительство Кипра не предъявило требования о справедливой компенсации в течение срока, установленного пунктом 1 Правила 60 Регламента Суда в редакции 1998 года, которая действовала в соответствующее время:

«Любое требование, которое Договаривающаяся сторона-заявитель или заявитель может пожелать предъявить для справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, должно быть изложено в письменных замечаниях по существу, если только Председатель Палаты не распорядится об ином, или, если такие письменные замечания вносятся в специальном документе, подаваемом не позднее чем через два месяца после принятия решения о признании заявления приемлемым».

В соответствии с этой формулировкой любой заявитель, будь то государство, физическое или юридическое лицо, обычно должен был представить количественные требования в течение срока, отведенного для представления письменных замечаний по существу. Таким образом, совершенно ясно, что, если Президент не распорядился иначе, эти сроки были обязательными; более того, это имеет место во всех последующих редакциях Регламента Суда. Из этого следует, что в настоящем деле у кипрского правительства оставался единственный вариант, поскольку оно не представило свои требования вместе со своими замечаниями по существу, это представить их не позднее, чем через два месяца после принятия решения о признании жалобы приемлемой.

В своем письме от 29 ноября 1999 г. Суд не требовал от государства-заявителя предъявлять какие-либо требования о справедливой компенсации "на данной стадии разбирательства". Ни на одном этапе разбирательства правительство Кипра не предъявляло такого требования ни в своем первоначальном заявлении, ни во время слушаний 20 сентября 2000 г.

Ничего или практически ничего не произошло в период с 2001 по 2010 год, за исключением письма о намерениях, направленного в Суд 31 августа 2007 года.

В этот день, то есть семь лет спустя, правительство Кипра неожиданно направило письмо, информирующее Суд о своем намерении подать отдельное заявление в целях применения статьи 41. Как Суд должен был отреагировать на это письмо? В любом случае государство-заявитель решило подать требования о справедливой компенсации 11 марта 2010 г., то есть почти через три года после этого письма, и только в отношении пропавших без вести лиц. Впоследствии, 18 июня 2012 года, по предложению Суда правительство Кипра расширило свои требования, включив в них проживающих в анклав Киприотов-греков на полуострове Карпас. Соответственно, эта новая версия иска стала «окончательной» (см. по этому поводу пункт 30 решения).

В настоящем деле, вопреки правилу 60 Регламента Суда, которое требовало подачи требований о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 без неоправданной задержки, государство-заявитель хранило молчание и бездействовало в течение почти десяти лет.

В этой связи следует отметить, что, согласно правилу 46 Регламента Суда, требования о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 относятся к сфере ответственности государства-заявителя и что Суд, безусловно, не мог действовать по собственной инициативе для исправления недостатка в этом отношении. Требование разумного срока применяется как к отдельным заявителям, так и к государствам-

заявителям, и любое несоблюдение этого требования будет противоречить правилу ограничения.

В деле Варнава и другие против Турции ([БП], №№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, ECHR 2009), Суд сформулировал следующий принцип, касающийся применения шестимесячного срока к продолжающимся ситуациям, особенно в делах об исчезновениях:

«165. Тем не менее, Суд считает, что жалобы могут быть отклонены как несвоевременные в делах об исчезновениях, когда имели место чрезмерные или необъяснимые задержки со стороны заявителей после того, как они узнали или должны были узнать, что расследование не было начато или что расследование бездействовало или стало неэффективным, и в любом из этих случаев не существует непосредственных и реальных перспектив проведения эффективного расследования в будущем. В тех случаях, когда предпринимаются инициативы в отношении ситуации с исчезновением, заявители могут обоснованно ожидать развития событий, которые могли бы решить важные фактические или юридические вопросы. Действительно, до тех пор, пока между семьями и властями существует какой-либо содержательный контакт по поводу жалоб и запросов на информацию, или какие-то указания или реальная возможность, хода следственных действий, соображения неоправданной задержки, как правило, не возникают. Однако там, где был значительный промежуток времени, и имели место значительные задержки и затишья в следственной деятельности, наступит момент, когда родственники должны осознать, что эффективного расследования не проводилось и не будет. Когда будет достигнута эта стадия, будет неизбежно зависеть от обстоятельств конкретного дела».

Аналогичным образом, прецедентное право Международного Суда (МС) в целом признает обязанность государств-заявителей действовать в разумные сроки. Ведущим решением по этому вопросу является решение от 26 июня 1992 г. по делу «Определенные фосфатные земли в Науру» (Науру против Австралии).¹

В этом случае правительство Республики Науру подало в 1989 году заявление о возбуждении дела против Австралии в отношении спора о реабилитации некоторых фосфатных земель (шахт и карьеров), разрабатываемых до обретения Науру независимости во время австралийского мандата. В своем заявлении Науру утверждала, что Австралия не выполнила свои обязательства по опеке в соответствии со статьей 76 Устава Организации Объединенных Наций и Соглашением об опеке от 1 ноября 1947 года. Австралия представила ряд предварительных возражений, одно из которых утверждало, что заявление было подано времени. По данным правительства Австралии, Науру обрела независимость 31 января 1968 г., и что касается реабилитации земель, официально не «поднимала [свою позицию] перед Австралией и другими бывшими управляющими державами» до

---

1. Предварительные возражения, ICJ Reports 1992, p. 240.

декабря 1988 г. Попечительство могло быть утрачено или рассредоточено в этот период, а также потому, что изменения в законодательстве в этот период затруднили определение юридических обязательств, лежащих на государстве-ответчике во время предполагаемых нарушений этих обязательств. Поэтому Австралия утверждала, что заявление Науру было неприемлемым на том основании, что оно не было подано в разумный срок. МС отклонил это предварительное возражение, но, тем не менее, постановил: Австралийское правительство утверждало, что задержка с подачей иска нанесла Австралии еще больший ущерб, поскольку большая часть документации, относящейся к мандату и опеке, могла быть утеряна или рассредоточена в течение этого промежутка времени, а также потому, что изменения в законодательстве в течение промежутка времени привели к труднее определить юридические обязательства, лежавшие на государстве-ответчике на момент предполагаемого нарушения этих обязательств. Поэтому Австралия утверждала, что заявление Науру было неприемлемым на том основании, что оно не было подано в разумный срок. МС отклонил это предварительное возражение, но, тем не менее, постановил: Австралийское правительство утверждало, что задержка с подачей иска нанесла Австралии еще больший ущерб, поскольку большая часть документации, относящейся к мандату и опеке, могла быть утеряна или рассредоточена в течение этого промежутка времени, а также потому, что изменения в законодательстве в течение промежутка времени привели к труднее определить юридические обязательства, лежавшие на государстве-ответчике на момент предполагаемого нарушения этих обязательств. Поэтому Австралия утверждала, что заявление Науру было неприемлемым на том основании, что оно не было подано в разумный срок. МС отклонил это предварительное возражение, но, тем не менее, постановил: и поскольку изменения в законодательстве за этот период усложнили определение юридических обязательств, лежащих на государстве-ответчике во время предполагаемых нарушений этих обязательств. Поэтому Австралия утверждала, что заявление Науру было неприемлемым на том основании, что оно не было подано в разумный срок. МС отклонил это предварительное возражение, но, тем не менее, постановил:

«32. Суд признает, что даже при отсутствии какого-либо применимого договорного положения задержка со стороны государства-истца может сделать жалобу неприемлемой. Вместе с тем он отмечает, что международное право не устанавливает каких-либо конкретных сроков в этом отношении. Таким образом, Суд должен определить в свете обстоятельств каждого дела, делает ли истечение времени жалобу неприемлемой.

33. В данном случае было хорошо известно, когда Науру обрела независимость, что вопрос о реабилитации фосфатных земель не был решен. ...

36. В этих обстоятельствах Суд принимает к сведению тот факт, что Науру была официально проинформирована не позднее, чем письмом от 4 февраля 1969 г., о позиции Австралии по вопросу восстановления фосфатных земель, отработанных до 1 июля 1967 г. Науру выразила несогласие с этой позицией в письменном виде только 6 октября 1983 г. Тем временем, однако, как заявила Науру и не опровергла Австралия, президент Науру дважды поднимал этот вопрос перед компетентными австралийскими властями. Суд считает, что, учитывая характер отношений между Австралией и Науру, а также предпринятые таким образом шаги, заявление Науру не стало неприемлемым по прошествии времени. Тем не менее, для Суда, в свое время,

Дело Науру в конечном итоге было завершено мировым соглашением. Однако интерес этого дела заключается в том, что Международный Суд четко признал обязанность государства-заявителя действовать в разумные сроки. Другими словами, хотя в общем международном праве не установлены конкретные сроки, соответствующий международный суд должен оценить соответствующие обстоятельства, чтобы определить, сделало ли течение времени жалобу неприемлемой, принимая во внимание все соответствующие факторы (включая права и законные интересы государства-ответчика, особенно в тех случаях, когда им может быть нанесен ущерб).

В духе решения по делу Науру и вопреки мнению большинства правительство Кипра не представило убедительных причин длительного периода бездействия между вынесением решения по существу (2001 г.) и требованием о справедливой компенсации (2010 г.).).

Далее выясняется, что требование разумного срока, примененное Судом в деле «Варнава и другие», совместимо с общей нормой международного публичного права, установленной Международным судом в решении по делу Науру, и поэтому в принципе должно также применяться в отношении отдельного заявления, подано в соответствии со статьей 41 в контексте межгосударственного дела, такого как настоящее.

Соответственно, я считаю, что описанный выше фактор времени делает жалобу кипрского правительства неприемлемой.

В. Применимость статьи 41 в настоящем деле в отношении пропавших без вести лиц

Статья 33 Конвенции предусматривает, что «любая Высокая Договаривающаяся Сторона может передать в Суд любое предполагаемое нарушение положений Конвенции и Протоколов к ней другой Высокой Договаривающейся Стороной», при том понимании, что «любое... нарушение » относится к утверждениям, касающимся как материально-правовых, так и процессуальных положений. При этом следует с самого начала подчеркнуть, что, когда государство намеревается подать межгосударственную жалобу, требования приемлемости отличаются от требований для индивидуальных жалоб. В соответствии со статьей 35 Конвенции в межгосударственных делах не требуется соблюдения правила об исчерпании внутренних средств правовой защиты или шести-правило месяца. Таким образом, мы приходим к выводу, что нельзя допускать смешения между процедурой, регулирующей межгосударственные дела, и процедурой, регулирующей индивидуальные жалобы, поскольку в противном случае государства могли бы легко обойти статью 33 Конвенции, чтобы заявлять индивидуальные требования для целей статьи 34 и игнорирует прямые требования статьи 35 §§ 2-4.

В связи с этим я хотел бы отметить, что межгосударственные дела, рассматриваемые Судом, можно разделить на три категории.

1. Во-первых, есть случаи, когда Договаривающиеся стороны действуют исключительно как блюстители европейского общественного порядка. Одним из примеров может служить дело Дания, Норвегия, Швеция и Нидерланды против Греции («Греческое дело», №№ 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3344/67, отчет Комиссии от 5 ноября 1969 г., Ежегодник 12). Можно также сослаться на дело Франции, Норвегии, Дании, Швеции и Нидерландов против Турции (№ 9940-9944/82, решение Комиссии от 6 декабря 1983 г., Решения и отчеты 35). Эта категория не имеет отношения к пониманию контекста в настоящем деле.

2. С другой стороны, вторая категория актуальна для целей сравнения. Это случаи, когда Договаривающееся государство прямо требует возмещения ущерба за нарушения прав своих граждан. Эту категорию иллюстрирует дело Дания против Турции (№ 34382/97, ЕСПЧ 2000 г.)-IV) относительно обращения, противоречащего статье 3, которому подвергся гражданин Дании г-н Коч со стороны турецких полицейских. Предметом спора в этом деле было обращение с г-ном Кочем с помощью методов допроса. Я считаю, что это единственный случай, когда доктрина «дипломатической защиты», признанная в международном праве, применялась в контексте лица, личность которого можно было идентифицировать с момента подачи заявления.

Это правда, что в этом случае Турция заплатила датскому правительству определенную сумму денег; однако это было в соответствии с условиями мирового соглашения, а не статьей 41 Конвенции. Эти два момента следует иметь в виду, чтобы лучше понять настоящее дело, которое на самом деле подпадает под третью категорию.

3. Эта третья категория включает в себя особые интересы, которые Договаривающееся государство стремится отстаивать в той мере, в какой оно представляет или тесно связано с лицами, предположительно ставшими жертвами действий, имевших место в контексте политического спора между двумя странами. В этой категории, не считая двух межгосударственных дел Греция против Соединенного Королевства от 1956 г. (№ 176/56, Постановление Комитета министров от 20 апреля 1959 г.) и 1957 г. (№ 299/57, Постановление Комитета министров от 14 декабря 1959 г.) и дело Австрия против Италии (№ 788/60, решение Комиссии от 11 января 1961 г., Ежегодник 6), мы могли бы сначала сослаться на дело Ирландия против Италии. Соединенное Королевство в отношении пяти методов допроса, используемых силами безопасности в отношении задержанных, которые были членами Ирландской республиканской армии, но личность которых не была установлена; они упоминались как «лица» или «мужчины» и обозначались аббревиатурами T1, T2, T3 и т. д. В этом случае Суд установил, среди прочего, нарушение статьи 3 Конвенции. Однако, поскольку правительство Ирландии заявило, что оно не стремилось «[получить] компенсацию для любого отдельного лица», прежняя статья 50 Конвенции (новая статья 41) не применялась.

Подготовительные материалы к Конвенции и общие принципы международного публичного права, касающиеся дипломатической защиты и возмещения ущерба, позволяют сделать вывод о том, что правило справедливого удовлетворения, закрепленное в статье 41, в принципе применимо к межгосударственным делам, возбуждаемым в соответствии со статьей 33 Конвенции. В этом отношении я согласен с мнением большинства (см. пункт 43 решения).

В статье 33 используется понятие дипломатической защиты (см., например, решение Международного суда по делу Ахмаду Садио Диалло (Гвинейская Республика против Демократической Республики Конго) от 19 июня 2012 г.²), как это признано в международном публичном праве. Таким образом, Суд мог бы присудить справедливую компенсацию в межгосударственных делах, которые по своему характеру больше похожи на типичные дела о дипломатической защите в международном публичном праве, иными

---

2. Компенсация, ICJ Reports 2012, p. 324.

словами, когда заявление было подано от имени и от имени определенных идентифицируемых лиц. отдельных лиц (см., например, дело Дания против Турции, упомянутое выше).

В свете этих принципов, на мой взгляд, невозможно применить статью 41 в настоящем деле и присудить какую-либо компенсацию по этому пункту.

Как подчеркивается в решении по делу «Кипр против Турции» от 10 мая 2001 г., только на слушании дела о приемлемости 20 сентября 2000 г. правительство Кипра заявило, что число пропавших без вести киприотов-греков составляет 1485 человек (см. пункт 119 решения по существу). На этом этапе ни одну из жертв не удалось опознать. Однако Суд согласился исходить из того, что эти пропавшие без вести лица все еще живы, и установил продолжающееся нарушение статьи 2 в связи с непроведением Турцией эффективного расследования, призванного пролить свет на судьбу пропавших без вести греков-киприотов.

Я хотел бы обратить внимание на общий масштаб этого вывода, который не относится к отдельным гражданам киприотов-греков, а выявляет ошибки в текущей ситуации. Рассматриваемые нарушения были обнаружены не в отношении отдельных жертв, а в отношении фактической и правовой ситуации.

Следует подчеркнуть, что единственным бенефициаром статьи 41 является «пострадавшая сторона». В настоящем деле термин «сторона» бесспорно относится к «Договаривающейся стороне», подавшей заявление, а именно к Кипру. Таким образом, любая попытка полагаться на подход, принятый в деле Диалло (упомянутом выше), который является хорошим примером осуществления государством дипломатической защиты, для обоснования присуждения справедливой компенсации является необоснованной и даже противоречит юридическим и фактической реальности настоящего дела.

В отличие от большинства, я придерживаюсь мнения, что «доктрина дипломатической защиты» в данном случае не действует. Это дело касается только предполагаемого положения группы лиц, личность которых не подлежала установлению в то время, когда Суд констатировал нарушения Конвенции.

Таким образом, даже если предположить, что заявление не было подано несвоевременно, кипрское правительство могло только требовать присуждения сатисфакции в отношении нарушения, установленного в Части II, пункт 2, оперативных положений основного судебного решения.³

---

3. «...что имело место продолжающееся нарушение статьи 2 в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование, направленное на выяснение местонахождения и судьбы пропавших

В соответствии с принципами международного публичного права о возмещении морального вреда в делах, не касающихся дипломатической защиты, нарушение, установленное в решении по существу дела, должно представлять собой достаточную справедливую компенсацию, без необходимости присуждения совокупной, если не сказать спекулятивной, суммы, подобные тем, которые требует правительство Кипра в отношении «морального вреда» от имени неопределенного и неустановленного числа лиц, которые предположительно все еще живы.

На мой взгляд, группа лиц такого рода не может представлять собой «потерпевшую сторону» для целей статьи 41 в межгосударственном деле. В настоящем деле пострадавшей стороной действительно является государство-заявитель, и, согласно логике Конвенции, моральный вред должен быть индивидуальным.

Таким образом, все денежные требования в отношении морального вреда должны быть отклонены, учитывая, что в международном праве репарация по этому пункту может принимать форму признания судом нарушения права одного государства другим государством при условии, что только моральные или политические интересы государства были нарушены. Такова была ситуация в деле о проливе Корфу, в котором Международный суд постановил, что «в связи с действиями британского флота в албанских водах в ходе операции 12 и 13 ноября 1946 года Соединенное Королевство нарушило суверенитет Народной Республики Албании, и что это заявление Суда само по себе представляет собой надлежащее удовлетворение» (курсив добавлен)⁴.

То же самое относится и к арбитражному решению от 30 апреля 1990 года по делу *Rainbow Warrior*. Арбитражный суд, публично сделавший «четыре заявления о существенном нарушении Францией своих обязательств», постановил, что это «представляет собой при данных обстоятельствах надлежащую компенсацию за юридический и моральный ущерб, причиненный Новой Зеландии» (выделение добавлено)⁵.

Совсем недавно, в деле, касающемся ордера на арест от 11 апреля 2000 г. (Демократическая Республика Конго против Бельгии), МС постановил, что «выводы... сделанные им, представляют собой форму сатисфакции, которая компенсирует моральный вред». жалобы Конго» (курсив добавлен)⁶.

без вести киприотов-греков, пропавших без вести при угрожающих жизни обстоятельствах» (§ 136).

4. Отчеты 1949 г., с. 36.

5. Пункт 8 постановляющей части арбитражного решения от 30 апреля 1990 г., *United Nations Reports of International Arbitration Awards*, vol. XX, с. 273.

6. 14 февраля 2002 г., § 75. См. также решение Международного суда по делу *LaGrand* (Германия против Соединенных Штатов Америки) от 27 июня 2001 г., § 116.

Таким образом, в международном праве установление судом нарушения представляет собой достаточную форму сатисфакции. Это верно и в контексте проверки законности межгосударственных дел, рассматриваемых нашим Судом.

В контексте системы Конвенции для присуждения сатисфакции в соответствии со статьей 41 «пострадавшей» стороной всегда должно быть физическое лицо (см. пункт 46 решения). Таким образом, даже в межгосударственном деле компенсация, присуждаемая государству-заявителю, должна быть направлена на возмещение ущерба, причиненного четко определенному лицу или лицам.

В настоящем деле присуждение совокупной суммы государству-заявителю для распределения по своему усмотрению лицам, существование и количество которых было заявлено только на слушаниях, противоречило бы самому духу статьи 41.

В обстоятельствах, подобных тем, которые были предметом основного судебного решения, любой подход, несовместимый с смыслом существования статей 33, 34, 35 и 41 Конвенции, вызовет серьезные вопросы в отношении эффективности не только реализации средства правовой защиты в виде справедливого удовлетворения по решению по статье 41, но также и об исполнении штатами такого решения и надзоре за его исполнением со стороны Комитета министров.

Большинство членов Большой палаты решило присудить киприотам-грекам, которые пропали без вести, но предположительно живы, ввиду страданий, которые государство-заявитель в настоящее время выражает от их имени. Следуя этой линии рассуждений, позвольте мне, в качестве рабочей гипотезы, рассматривать этих лиц как отдельных заявителей при том понимании, что им не может быть предоставлен более благоприятный режим, чем любому другому заявителю, прошедшему сопоставимый опыт.

Эта гипотеза показывает, что большинство фактически косвенно предоставило денежную компенсацию определенным лицам, на которую последние не имели бы права на основании индивидуальных заявлений (см. по этому поводу *Varnava and Others*, упомянутое выше, §§ 151-72).), для которых требования в отношении приемлемости и существа, безусловно, не совпадают.

С. Применимость статьи 41 в настоящем деле к жителям полуострова Карпас

Следует также отметить, что, начиная с этого дела, Суд впредь должен признать применимость статьи 41 в межгосударственных делах, ссылаясь на дипломатическую защиту и полагаясь на возможность установления жертв нарушений на основании информация, вытекающая из первоначального приложения. С этой целью Суд заявил, что он будет рассматривать каждую жалобу отдельно, чтобы определить, присуждать ли справедливую компенсацию или нет (см. пункт 43 решения).

Однако решение нигде не разъясняет, на каком фактическом основании большинство присудило суммы проживающим в анклаве греко-кипрским жителям полуострова Карпас, которые образуют группу, определенную абстрактно.

В этом контексте правительство Кипра заявило, что «количество таких резидентов должно быть согласовано сторонами в течение 6 месяцев с момента вынесения Судом постановления, а в случае отсутствия соглашения решение должно быть принято Председателем Суда по на основании письменных доказательств и представлений о количестве и местонахождении жителей и их наследников». Здесь отчетливо видна принципиальная разница между жалобами на пропавших без вести и жалобами на жителей Карпаса. Что касается последних, то правительство Кипра хотело попытаться идентифицировать и перечислить их постфактум через одиннадцать лет после вынесения решения по существу! Спрашивается, как это могло быть, что это не представляло ни малейшей проблемы для большинства,

Поэтому я не понимаю юридической логики мнения большинства, изложенного в пунктах 43-46 решения, в котором оно решает применить статью 41 даже к абстрактным и общим межгосударственным жалобам.

На этом фоне любая ссылка на упомянутое выше судебное решение по делу Диалло остается неуместной и необоснованной, если не сказать вводящей в заблуждение.

D. Некоторые фактические неточности

Под этим заголовком я просто повторю некоторые факты и коснусь ряда вопросов фактологического характера.

(1) Как насчет истинного числа пропавших без вести (с учетом всех обжалованных на сегодняшний день действий, которые были повторно рассмотрены Большой палатой)?

Приложение № 8007/77 касается примерно 2000 пропавших без вести киприотов-греков. В своих письменных объяснениях от 22 ноября 1994 г. в ходе рассмотрения дела по существу Правительство-заявитель упомянуло 1619 человек. Шесть лет спустя, на слушаниях 20 сентября 2000 г., это число сократилось до 1485 человек. Теперь окончательная цифра правительства составляет 1456 человек. Согласно статистическим данным, опубликованным в феврале 2014 года Комитетом Организации Объединенных Наций по пропавшим без вести, за это время было обнаружено 358 тел, предположительно пропавших без вести греков-киприотов.⁷ Поэтому можно было бы ожидать, что число жертв уже не будет составлять 1456 человек. Однако первый официальный список (опубликованный в «Официальном вестнике Кипра»), прилагаемый к иску о справедливой компенсации, поданному в 2010 году, включает 1 493 человека.

Ввиду вышеизложенного, может ли большинство утверждать, что знает истинное число пропавших без вести? Убеждено ли большинство в том, что лица, пропавшие без вести, которые уже были предметом около восьмидесяти заявлений, рассмотренных Судом, не учитывались во второй раз в цифрах, приведенных в настоящем деле? Если ответ отрицательный, то как большинство предусматривает установление суммы, подлежащей присуждению в качестве компенсации морального вреда?

Обновление этого списка имело жизненно важное значение для того, чтобы отличить тех, кто все еще пропал без вести, от тех, чьи тела были обнаружены, принимая во внимание, что претензии, касающиеся последних, безусловно, должны быть отклонены как «преждевременные» в соответствии с решением по делу Хараламбус и Другие против Турции (№ 46744/07, 3 апреля 2012 г.); см. также решения Суда по делу Папайяни против Турции (№ 479/07, 2 апреля 2013 г.); Иоанну Якову и другие против Турции (№ 24506/08, 5 октября 2010 г.); и Эфтимии и другие против Турции (№ 40997/02, 7 мая 2013 г.).

Решив опустить этот пункт, большинство решило присудить сумму в тридцать миллионов евро в качестве так называемой совокупной суммы, рассчитанной путем умножения 20 000 евро на 1 456. Следует также отметить, что эта оценка была основана на ошибочном применении теории дипломатической защиты и на игнорировании фактического числа пропавших без вести лиц.

(2) Что касается шестидесяти миллионов евро, присужденных большинством проживающим в анклавной греко-кипрским жителям

---

7. См. официальный сайт Комитета по пропавшим без вести на Кипре: <http://www.cmp-cyprus.org/>

полуострова Карпас, это решение ни в коем случае не может быть объяснено теорией дипломатической защиты.

Что касается этой части иска, Суду не известны ни количество, ни личности соответствующих лиц; следовательно, присуждаемая сумма остается совершенно произвольной.

(3) Каков порядок исполнения судебного решения о присуждении суммы, подлежащей распределению правительством Кипра?

Возникает несколько вопросов относительно выполнения такого оперативного положения не только в отношении Договаривающихся сторон, но и в отношении Комитета министров.

В данном случае правительство Кипра заявило, что оно должно распределить между заинтересованными лицами общую сумму, присужденную по этому делу, на основе вышеупомянутого списка лиц.

Это утверждение было принято большинством.

(a) Таким образом, из запроса кипрского правительства можно сделать вывод, что на самом деле у них уже есть достоверные доказательства того, что каждое из заинтересованных лиц действительно является наследником или правомочным членом семьи пропавшего без вести лица.

(b) Если это не так, государство-заявитель, естественно, должно будет потребовать от каждого выступающего лица доказать, что он или она действительно является наследником или правомочным членом семьи потерпевшего. Учитывая, что у каждой жертвы, несомненно, будет более одного наследника или члена семьи, сколько недель, месяцев или даже лет займут эти процедуры? Тем не менее, оперативные положения устанавливают предельный срок, а именно восемнадцать месяцев или любой другой период, который Комитет министров сочтет целесообразным. Пока идет каждая из этих процедур, что станет с уже выплаченной колоссальной суммой, которой правительство-заявитель может распоряжаться по своему усмотрению?

(c) Аналогичным образом, какие меры правительство-заявитель предполагает принять для рассмотрения оскорбительных или мошеннических требований от лиц, не имеющих реальной связи с кем-либо из потерпевших?

(d) Если предположить, что со временем некоторые из лиц, которые в настоящее время считаются живыми, умрут, возместит ли правительство-заявитель соответствующую сумму, выплаченную Турцией, при том понимании, что этот сценарий подпадает под действие решения по делу Charalambous and Others (цит. выше)?

e) требуется еще большая осторожность в отношении распределения под наблюдением Комитета министров компенсации морального вреда проживающим в анклавном греко-кипрским жителям

полуострова Карпас в их качестве «индивидуальных жертв». В конце концов, кипрское правительство даже не смогло представить в этом отношении список или дать какое-либо указание о количестве вовлеченных лиц; любая попытка оценки и любые исполнительные меры неизбежно окажутся тщетными.

Все эти вопросы будут препятствовать исполнению этого решения.

Наконец, что касается пункта 63 решения, я присоединяюсь к частично совпадающему мнению судей Тюлькенса, Вайича, Раймонди и Бианку.